

М Е Н О Н Ъ.

М Е Н О Н Ъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Главная тема Менона ничѣмъ не отличается отъ вопроса, разрѣшаемаго въ Протагорѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ предметъ изслѣдованія—добродѣтель, то-есть, изучается ли она, или получается отъ природы. Поэтому вѣроятно покажется страннымъ, что я не поставилъ Менона въ непосредственную связь съ Протагоромъ, или по крайней мѣрѣ Эвтидемомъ, но между этими разговорами помѣстилъ Лахеса, Хармида, Эвтифрона и проч., въ которыхъ разсматриваются только виды добродѣтели. Вотъ мое основаніе: въ Протагорѣ Платонъ не высказалъ послѣдняго результата, откуда и какимъ образомъ приобрѣтается добродѣтель; цѣль его тамъ была—не научить, а обличить софиста въ незнаніи того самаго предмета, по отношенію къ которому онъ почиталъ себя мудрецомъ и лучшимъ изъ всѣхъ преподавателемъ. Въ томъ же намѣреніи изложенъ разговоръ Сократа съ Лахесомъ и Никіасомъ о мужествѣ, съ Хармидомъ и Критіасомъ—о разсудительности, съ Эвтифрономъ—о святости, съ Иппіасомъ—о справедливости. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ не видно прямого указанія на положительную мысль сына Софронискова: къ ней ведутъ только намеки; ее обличаетъ только умозаключеніе. Напротивъ въ Менонѣ, послѣ долговременной борьбы съ ученикомъ Горгіаса, и по опроверженіи софистическихъ его понятій о

о существѣ и происхожденіи добродѣтели, Сократъ довольно опредѣленно высказываетъ и собственную свою мысль о ней. Посему на Менона должно смотрѣть, какъ на заключеніе Сократовой иеики, какъ на окончательное раскрытіе нравственности, которую афинскій мудрецъ столь неутомимо преподавалъ своимъ соотечественникамъ. Притомъ нельзя не замѣтить, что въ Менонѣ къ ученію Сократа Платонъ уже привилъ нѣсколько и своихъ собственныхъ идей, которыми этотъ разговоръ поставляется въ отношеніе къ Федону, Федру, Горгіасу и Теэтету. Такъ напримѣръ, ученіе о познаніи въ смыслѣ припоминанія вещей, которыя душа видѣла въ до-мірномъ своемъ существованіи, очевидно объясняется исторіею человѣческаго духа, миѣически изложенною въ Федрѣ; а математическія понятія о фигурѣ, фізіологическіе толки Эмпедокла о чувственныхъ представленіяхъ, и мысль о правильномъ миѣніи, указываютъ на основанія въ Теэтетѣ и Горгіасѣ. Впрочемъ общее всегда позволительно предпочитать частному: общая тема Менона даетъ ему большее право на связь съ Протагоромъ, нежели нѣкоторыя частныя мысли — на сближеніе съ этими послѣдними разговорами.

Приступая къ разбору этого сочиненія, мы прежде всего видимъ, что въ немъ нѣтъ обыкновеннаго въ Платоновыхъ разговорахъ вступленія, въ которомъ нашъ философъ драматически излагаетъ всѣ обстоятельства, предуготовляющія къ изслѣдованію извѣстнаго предмета. Здѣсь бесѣда начинается вдругъ вопросомъ: «скажи мнѣ, Сократъ, можно ли изучать добродѣтель? или она не изучается, а приобрѣтается подвигами? или—и не изучается и не приобрѣтается подвигами, а получается отъ природы?» Такое нечаянное, не приготовленное начало заставляло нѣкоторыхъ критиковъ сомнѣваться въ подлинности Менона. Это сомнѣніе, по видимому, тѣмъ основательнѣе, чѣмъ нужнѣе было бы здѣсь вступленіе. Потребность его становится ощутительною особенно въ томъ случаѣ, когда Сократъ вдругъ обращается къ новому собесѣднику, Аниту, о присутствіи, или прибытіи котораго

прежде было вовсе неизвѣстно, если не на это указывается словами: *εις καλόν ἡμῖν Ἄυτος ὁδε παρεκαθέζετο*. Но одного недостатка драматическаго вступленія, по нашему мнѣнію, еще нельзя почитать признакомъ подложности разговора—во-первыхъ потому, что и другія нѣкоторыя бесѣды Платона, въ подлинности которыхъ никто не сомнѣвался, оставлены также безъ вступленій, каковы, напримѣръ, Кратилъ и Филебъ; во-вторыхъ потому, что недостатокъ приступа можетъ только приводить къ вопросу, вполне ли извѣстный разговоръ дошелъ до насъ, не былъ ли онъ отрывкомъ иного, болѣе обширнаго сочиненія, которое впоследствии потерялось, или, не входилъ ли онъ въ какую-нибудь тетралогію Платоновыхъ разговоровъ.

Сомнѣвались также и касательно главной темы Менона: спрашивали, что именно изслѣдывается въ немъ,—то ли, какъ надобно понимать добродѣтель, или то, какимъ образомъ она приобрѣтается? Это недоумѣніе основывалось на самомъ ходѣ разсматриваемой бесѣды. Она естественно дѣлится на четыре части.

Первая часть начинается вопросомъ Менона: можно ли изучать добродѣтель, или надобно почитать ее даромъ природы? А такъ какъ, для рѣшенія его, по замѣчанію Сократа, нужно напередъ знать, что должно разумѣть подъ именемъ добродѣтели; то Менонъ старается опредѣлить ее, и однакожъ никакъ не можетъ всѣ виды ея подвести подъ одинъ родъ. Вотъ его опредѣленія:

- а. Всякому возрасту, полу и состоянію прилична своя добродѣтель; а потому понятія о добродѣтели относительно различны: но Сократъ требуетъ одного общаго. 70—73.
- б. Добродѣтель есть умѣнье управлять людьми: но Сократъ замѣчаетъ, что дѣти и рабы поѣтому не могутъ быть добродѣтельны. Притомъ, чтобы умѣнье управлять было добродѣтелию, надобно представлять себѣ управленіе справедливое; а справедливость есть только часть добродѣтели. 74—76.

с. Быть добродѣтельнымъ значить—радоваться хорошему и имѣть для него способность: но Сократъ доказываетъ, что всякій радуется хорошему, хотя бы кто находилъ хорошее въ дѣятельности совершенно злой; а потому людей злыхъ нѣтъ,—всѣ добрые. Притомъ радоваться хорошему можно справедливо или несправедливо, разсудительно или неразсудительно; а это значить—имѣть дѣло не съ добродѣтелію, но съ частію добродѣтели. 77—79. Послѣ этого Менонъ прибѣгаетъ подъ защиту извѣстнаго въ древности софизма, что опредѣлять нельзя ни того, что знаешь, ни того, чего не знаешь.

Во второй части Сократъ доказываетъ Менону, что неизвѣстное общее можно опредѣлять посредствомъ предварительнаго возбужденія частныхъ познаній (*ἐνῆσταν αὐτῷ αἱ δόξαι*); потому что всякое познаніе есть не болѣе, какъ припоминаніе вещей, видѣнныхъ душею во время до-мірнаго ея существованія. Это доказательство производится посредствомъ возбужденія геометрическихъ понятій въ мальчикѣ, который никогда не учился геометріи. 80 — 86.

Въ третьей части Сократъ, на принятой мысли, что общее понятіе о добродѣтели, какъ припоминаніе, для человѣка возможно, хочетъ изслѣдовать вмѣстѣ съ Менономъ, какъ надобно понимать добродѣтель: но ученикъ Горгіаса требуетъ рѣшенія прежняго вопроса и, вмѣсто необходимаго въ этомъ случаѣ основанія, соглашается допустить только предположеніе, что добродѣтель есть знаніе. Изъ этого предположенія очевидно вытекаетъ ея изучимость ⁴: но Сократъ опровергаетъ слѣдствіе тѣмъ, что нѣтъ учителей добродѣтели; такъ что наконецъ добродѣтель представляется и не даромъ природы, поколику она есть знаніе, и не плодомъ науки,

---

⁴ Считаю нужнымъ замѣтить, что вывода изучимость добродѣтели изъ понятія о ней, какъ о знаніи, Сократъ отнюдь не излагаетъ собственнаго мнѣнія, а приспособляется къ убѣжденію софистовъ, и дѣлаетъ это для того, чтобы на ихъ же основаніяхъ показать независимость добродѣтели отъ природы.

поколику ни одинъ добродѣтельный человѣкъ не въ силахъ передать ее другому. 87—96.

Въ четвертой части Сократъ находитъ другое предположеніе для рѣшенія Меноновой задачи. Добродѣтель, говоритъ онъ, есть не только знаніе, но и справедливое мнѣніе; потому что послѣднее точно такъ же руководствуетъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ, какъ и первое. Но знаніе, само по себѣ, не даетъ добродѣтели; а справедливое мнѣніе, припоминаемое душою (85. С), само по себѣ походитъ на прорицаніе мужей богодухновенныхъ, которые говорятъ много истиннаго, не зная того, что говорятъ. Посему добродѣтель и не изучается, и не есть даръ природы, а посылается отъ Бога. Вотъ что вытекаетъ изъ настоящихъ основаній! заключаетъ Сократъ: но ясно мы узнаемъ это тогда, когда оснуемъ свою мысль о происхожденіи добродѣтели не на предполагаемомъ понятіи о ней, а на изслѣдованіи сущности ея. 97—100.

Изъ такого хода разговора ясно открывается, что метода его изложенія—аналитическая; то-есть, Платонъ старается рѣшить предложенный вопросъ на основаніи вѣрнаго понятія объ изслѣдываемомъ предметѣ. Посему критики, доказывавшіе, что въ Менонѣ главное вниманіе писателя обращено было на опредѣленіе добродѣтели,—очевидно принимали основаніе за слѣдствіе и давали особенный вѣсъ не тому, для чего что изслѣдывается, а тому, о чемъ большею частію говорится.

Изъ такой ошибки сама собою проистекла и другая: Арнольдъ и Штальбомъ доказываютъ, что слово Платона о добродѣтели, какъ даръ Божию, надобно принимать въ смыслѣ ироническомъ, и что послѣдняго результата, что такое добродѣтель, Платонъ въ своемъ Менонѣ не высказалъ; а Астъ, испугавшись мысли Сократа о божественномъ ея происхожденіи, и думая, будто сынъ Софрониска противорѣчить этому положенію въ Протагорѣ, равно какъ показаніямъ Ксенофонта и Аристотеля, относитъ Менона къ числу сочиненій подложныхъ.

Мы имѣемъ причины не допускать ни того, ни другаго

заключенія. И во-первыхъ, изъ представленія истинно добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ политиками по одному правильно-му мнѣнію, Сократъ такъ прямо и опредѣленно выводитъ слѣдствіе, что добродѣтель достается людямъ *Ἐπεὶ μοίρα, ἀνεύου*, что тутъ не можетъ быть мѣста ироніи. Платонъ допускалъ добродѣтели юридическія и, для совершенія ихъ, признавалъ достаточными законы отечества, образованіе, науку; но подъ этимъ отнюдь не разумѣлъ онъ добродѣтели нравственной, тождественной съ мудростію: первыя онъ почиталъ только полезными, послѣднюю—добромъ, и обыкновенно заключалъ, что все доброе полезно, но не все полезное—добро. И такъ, если политикъ производитъ истинное добро, если онъ въ самомъ дѣлѣ мудрецъ; то своимъ добромъ обязанъ и не природѣ, и не наукѣ, а внушенію Божію. Эта самая мысль повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, на-примѣръ, въ Политикѣ (р. 309. С): «истинно и непреложно мнѣніе, что прекрасное, справедливое и доброе, входя въ души, въ родѣ, причастномъ Божеству, бываетъ божественнымъ;» и въ Государствѣ (р. 493 А): «надобно твердо помнить, что кто соблюдалъ себя и остался, какимъ должно, въ подобномъ состояніи общества; тотъ успѣлъ въ этомъ по жребію божественному.» Положеніе, что въ Менонѣ Сократъ не иронически, а серьезно производитъ добродѣтель отъ Бога, весьма сильно поддерживается также Фюллеборномъ¹, Фишеромъ², и Тидеманомъ³.

Но что сказать противъ основаній Аста? — только то, что онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ⁴, неправильно понимаетъ значеніе разумности (*φρόνησις*), поколику Сократъ разумѣетъ подъ нимъ добродѣтель. Въ введеніи къ

¹ Symbolae ad histor. phil. P. X. p. 143 sqq.

² Ad Aeschin. Socrat. p. 21.

³ Argumenta diall. Plat. p. 129.

⁴ Брандисъ (Musei Rhenani vol. 1. p. 131) говоритъ: tugendhaft handelt, nach Socrates Lehre, wer mit deutlichem zum Begriff gesteigerten Bewusstsein von der Sittlichkeit und Pflicht und mit Einsicht handelt. На какихъ словахъ Сократа или Платона опирается это, по всему нѣмецкое умствованіе?

Протагору было уже доказано, что, по мнѣнію Сократа, добродѣтель нравственная отнюдь не есть нѣчто изучимое, слѣдовательно не есть и знаніе (*ἐπιστήμη*). Поэтому въ Менонѣ, производя ее отъ Бога, Платонъ нисколько не противорѣчитъ Сократову убѣжденію, намекнутому въ Протагорѣ. Астъ ссылается на Ксенофонта (*Mem. Socr. III. 9*): но въ этомъ мѣстѣ говорится, что и справедливость, и всякую другую добродѣтель, Сократъ почиталъ мудростію (*σοφία*), и кто не имѣетъ мудрости, тотъ не умѣетъ совершить ничего добраго и похвальнаго. Но что такое мудрость, по смыслу Сократа? «Мудрость, говоритъ онъ, есть знаніе наилучшаго» (*ἡ τοῦ βελτίστου ἐπιστήμη. Alcib. 145. C*); «имя мудрости, мнѣ кажется, есть имя великое, приличествующее одному Богу» (*τὸ μὲν σοφὸν καλεῖν ἔμοιγε μέγα εἶναι δοκεῖ καὶ θεῷ μόνῳ πρέπειν. Phaedr. 278. D*); «мудрствуетъ тотъ, кто познаетъ самаго себя» (*τὸ ἑαυτὸν γινώσκειν, ἐστὶ σωφρονεῖν. Amat. 138. A*). Эти выраженія показываютъ, что знаніе, въ смыслѣ мудрости или добродѣтели, по мнѣнію Сократа, не есть теоретическое развитіе ума, обогащающее его различными познаніями ¹, а есть гармоническое и сознательное направленіе всѣхъ силъ души,—ума, чувства и воли, къ высочайшей цѣли, которая отразилась въ человѣческомъ существѣ чѣмъ-то божественнымъ, и которая проявляется истинно добрыми дѣлами, или добродѣтелию (*φρόνησις*).

Отсюда становятся понятны условія, требуемыя греческою иеикою для совершенія добродѣтели, и указываемыя въ самомъ началѣ Менона,—то-есть, природа, ученіе, подвигъ, *φύσει παραγυγνόμενον, διδακτόν, ἀσκητόν*, или, по Аристотелю (*Polit. VII. 13. с. 12*), *φύσις, λόγος, ἔθος*, иначе: *φύσις, μάθησις, ἀσκησις* ². Софистъ спрашиваетъ Сократа: которое изъ этихъ условій нужно, чтобы произошла добродѣтель?—Сократъ въ концѣ

¹ Эту именно мысль выражаетъ Сократъ, говоря: «а что исполнять правильно дѣла свои нельзя тому, кто неблагоразуменъ, — на это мы, по видимому, напрасно согласились.»

² Сравни. *Xenoph. Mem. Socr. II. 6. 39. III. 9. 1. 2. 3. IV. 1. 3. 4. IV. 22. Diog. Laert. V. 18.*

разговора выводитъ заключеніе, что ни одно изъ нихъ само по себѣ не достаточно для этой цѣли, что добродѣтель дается Богомъ, что знаніе (*ἡμάρτησις*) и справедливое мнѣніе (*ὀρθοδοξία*) тогда только могутъ руководствовать къ ней, когда будутъ соединяемы размышленіемъ (*λογισμῶν*), то-есть, когда справедливое мнѣніе, безотчетно припоминаемое душою, сочетается съ знаніемъ, или войдетъ въ сознаніе. Поэтому Сократовы условія добродѣтели суть—знаніе, справедливое мнѣніе и размышленіе, и послѣднее, какъ союзъ двухъ первыхъ, развивается только въ области философіи.

Изъ этого понятна и цѣль разсматриваемаго разговора. Платонъ вводитъ въ собесѣдованіе съ Сократомъ двухъ мужей, пользовавшихся извѣстностію. Одинъ изъ нихъ, Менонъ Ѳессаліецъ, другъ Аристиппа и ученикъ Горгіаса, слѣдовательно человѣкъ налитанный началами ученія софистическаго: а если предположимъ, что о немъ именно говорится въ Отступленіи Ксенофоновомъ; то къ личнымъ его свойствамъ придадимъ еще и безпокойный характеръ. Другой, Анить Аѳинянинъ, имѣвшій значительное вліяніе на своихъ согражданъ, какъ политикъ. По свидѣтельству Атенея и Діогена Лаерція, онъ былъ тотъ самый, который, вмѣстѣ съ Мелитомъ и Ликономъ, обвинялъ Сократа предъ народомъ и судьями. Каждый изъ этихъ собесѣдниковъ понималъ добродѣтель согласно съ духомъ своего сословія: Менонъ, какъ плодъ науки, знаніе или умѣнье бороться и ладить съ человѣческими страстями; Анить, какъ силу, или значимость въ обществѣ, основывающуюся на юридической расчитанности дѣйствій и обнаруживающуюся участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но какъ то, такъ и другое понятіе о добродѣтели было далеко ниже истиннаго ея значенія и, распространяясь между людьми, портило ихъ нравы. Поэтому Платонъ въ своемъ Менонѣ имѣлъ цѣлію показать — во-первыхъ превратность софистическихъ понятій о добродѣтели, во-вторыхъ невѣжество и слѣпоту политиковъ даже въ такихъ поступкахъ, которые, по отношенію къ обществу, оказыва-

ются добрыми, и наконецъ зависимость истинной добродѣтели отъ Бога и способъ приближаться къ ней посредствомъ философскаго размышленія.

Остается по возможности опредѣлить время, въ которое Менонъ могъ быть написанъ. Признаками для этого отчасти служатъ: выраженное въ разговорѣ непріязненное отношеніе Анита къ Сократу, угроза перваго послѣднему и упоминаніе о недавней, по видимому, смерти Протагора. Анитъ представляется въ разговорѣ оскорбившимся, когда Сократъ примѣрами знаменитѣйшихъ мужей Греціи доказалъ неизучимость добродѣтели, то-есть безсиліе ихъ передать свою добродѣтель дѣтямъ. Изъ этого видно, что будущій обвинитель Сократа уже считалъ себя между людьми, въ республикѣ значительными, что случилось незадолго до доноса, сдѣланнаго Мелитомъ на сына Софронискова. Слова Анита: «можетъ быть и въ другомъ родѣ легче бываетъ дѣлать людямъ зло, чѣмъ добро, а здѣсь и того болѣе; ты самъ, думаю, знаешь это»—какъ будто указываютъ на Сократовыхъ злоумышленниковъ, даже едва ли не на самаго Мелита. Но съ другой стороны, Сократъ говоритъ съ Анитомъ такъ спокойно и учтиво, что въ послѣднемъ никакъ нельзя видѣть явнаго уже врага его. Все это заставляетъ думать, что Менонъ написанъ или незадолго до Мелитова доноса, или вскорѣ послѣ того. А такъ какъ Сократъ умеръ въ 1, 95 олимп.; то Менонъ могъ выйти въ свѣтъ не позднѣе половины 94 и не ранѣе 2, 92 олимп.; потому что къ этому году относится смерть Протагора, о которой въ разговорѣ упоминается, какъ о событіи прошедшемъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, МЕНОНЪ, АНИТЬ И СЛУГА МЕНОНА.

70 *Менонъ.* Скажи мнѣ, Сократъ, можно ли изучать добродѣтель, или она не изучается, а пріобрѣтается подвигами? или и не изучается, и не пріобрѣтается подвигами, а получается отъ природы, либо достается какъ иначе?

Сократъ. Менонъ! Ѳессалійцы прежде славились и удивлялись Грековъ верховою ѣздою и богатствомъ, а теперь, какъ видно, славятся и мудростію; теперь жители Лариссы не хуже твоего друга Аристиппа. Этимъ вы обязаны Горгіасу. Пріѣхавъ въ вашъ городъ ¹, онъ нашелъ себѣ любителей мудрости въ знаменитѣйшихъ лицахъ изъ дома Алевадовъ, къ которому принадлежитъ другъ твой Аристиппъ, и въ иныхъ Ѳессалійцахъ. Черезъ него-то въ самомъ дѣлѣ вошло у васъ въ привычку на всѣ вопросы отвѣчать безбоязненно

---

¹ То-есть въ Лариссу, которая въ то время была мѣстопребываніемъ Алевадовъ. *Wachsmuth.* Antiquitt. Hellen. T. II. vol. 1. p. 106. sq. О фамиліи Алевадовъ писали многіе. *Vulkenar.* ad Herod. VII. 6. *Voeckh.* ad Pind. Ruth. X. p. 331. *Meineck.* commentt. Miscell. fasc. 1. с. 5. и проч. Изслѣдованія ихъ показываютъ, что Алевады славились покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, а особенно честили Горгіаса. Къ дому ихъ принадлежалъ и Аристиппъ, другъ Менона,—только не Киринейскій, бывшій ученикомъ Сократовымъ, а скорѣе тотъ, котораго Ксенофонтъ (*Anab.* I, 1. 10.) называетъ другомъ Кира Младшаго, и который на помощь ему, во время внутреннихъ безпокойствъ, отправилъ четыре тысячи наемнаго войска. Съ домомъ Алевадовъ едва ли не былъ въ родствѣ и Менонъ, сынъ Алексидема (р. 76 Е), гость Анита (р. 90 В. 92. D).

и свысока, какъ прилично людямъ знающимъ; да и самъ онъ С. позволялъ каждому изъ Грековъ спрашивать себя, о чемъ кто хочетъ, и никому не отказывалъ въ отвѣтѣ. Между тѣмъ здѣсь, любезный Менонъ, произошло противное: у насъ случилась какая-то засуха мудрости; мудрость изъ этихъ 71. мѣстъ переселилась едва ли не къ вамъ. Итакъ, если ты кому-нибудь изъ здѣшнихъ захочешь предложить подобный вопросъ; то всякій засмѣется и скажетъ: Иностранецъ! видно я кажусь тебѣ человѣкомъ талантливымъ ¹, который знаетъ, изучается ли добродѣтель, или достается другимъ образомъ; между тѣмъ какъ мнѣ неизвѣстно нетолько то, изучима она, или нѣтъ, но даже и то, что надобно разумѣть вообще подъ именемъ добродѣтели. Таковъ-то и я, Менонъ; В. и я въ этомъ дѣлѣ раздѣляю бѣдность своихъ согражданъ и обвиняю себя въ незнаніи добродѣтели вообще. А не зная, что такое она, какъ могу знать ея свойства? Развѣ ты думаешь, что незнающій Менона вообще, кто онъ, можетъ знать, хорошъ ли Менонъ, богатъ ли онъ и благороденъ, или имѣеть противоположныя свойства? Возможно ли это, по твоему мнѣнію?

Мен. По моему, нѣтъ. Но ты, Сократъ, въ самомъ дѣлѣ не знаешь, что такое добродѣтель? А что, если мы скажемъ С. объ этомъ дома ²?

Сокр. Нетолько объ этомъ, другъ мой, но и о томъ, что мнѣ, кажется, никогда не случалось встрѣчать и другаго, кто зналъ бы это.

Мен. Какъ? Развѣ ты не встрѣчалъ Горгіаса, когда онъ былъ здѣсь?

Сокр. Встрѣчалъ.

Мен. Такъ неужели, думаешь, и онъ не зналъ?

¹ Видно я кажусь тебѣ человѣкомъ талантливымъ, κενδοῦνός σοι δοκεῖν μακάριος τις εἶναι. Такъ у Грековъ иногда употреблялось слово μακάριος. Подобнымъ образомъ въ Менексенѣ (р. 249 D.) Аспазія называется μακαρία — по той причинѣ, что могла сочинять прекрасныя рѣчи.

² То-есть, въ Фессаліи, нашемъ отечествѣ, гдѣ разумѣютъ тебя, какъ мудреца?

Сокр. Не очень помню, Менонъ, и потому теперь не могу сказать, какъ мнѣ тогда казалось. Можетъ быть, и онъ Д. зналъ, и тебѣ извѣстны его мысли. Напомни же мнѣ, какъ онъ говорилъ, а не то,—скажи самъ; потому что ваши мнѣнія, вѣроятно, сходны.

Мен. Конечно.

Сокр. Ну такъ мы оставимъ его,—тѣмъ болѣе, что онъ въ отсутствіи. Скажи ты самъ, Менонъ, ради боговъ, что называешь добродѣтелию,—скажи не отговариваясь, чтобы мой обманъ вышелъ самымъ счастливымъ, и открылось, что ты и Горгіасъ знаете, между тѣмъ какъ я утверждалъ, будто мнѣ никогда и никого не случилось встрѣтить, кто бы зналъ это.

Е. *Мен.* Сказать не трудно, Сократъ. И во-первыхъ, если тебѣ угодно знать о добродѣтели мужчины, то явно, что она есть способность исполнять общественныя должности и, исполняя ихъ, доброхотствовать друзьямъ, вредить врагамъ и смотрѣть, какъ бы не обидѣть самаго себя ¹. А когда ты хочешь опредѣлить добродѣтель женщины; то не трудно разобратъ, что ея дѣло—хорошо править домомъ, сберегая, что въ немъ находится, и слушаясь мужа. Такимъ же образомъ иная добродѣтель бываетъ дитяти, какъ мальчика, такъ и дѣвочки, иная — старика, иная, если хочешь, добродѣтель 72. свободного, и иная—раба. Есть множество и другихъ добродѣтелей; такъ что ты не затруднишься сказать, что такое добродѣтель; ибо, по различію занятій и возрастовъ, у каждаго изъ насъ и для всякаго дѣла она — особая. Такъ я думаю, Сократъ, и о злѣ.

---

¹ Дѣлить добродѣтель на виды, или разсматривать относительно, значитъ, низводить ее на степень добродѣтелей юридическихъ. О такихъ-то добродѣтеляхъ говоритъ здѣсь Менонъ. Впрочемъ и политическое общество, управляющееся мудрыми законами, не только не признаетъ добродѣтелию самоуправства, или стремленія вредить врагамъ, но еще наказываетъ за подобные поступки. Изъ этого видно, какъ бессильно было гражданское законодательство во времена Горгіаса и подобныхъ ему софистовъ, внушавшихъ публично неуваженіе къ отечественнымъ постановленіямъ.

Сокр. Видно же я очень счастливъ, Менонъ, когда, ища одной добродѣтели, нашелъ ихъ у тебя въ запасъ цѣлый рой. Однакожь, еслибы мнѣ вздумалось, выдерживая это самое подобіе роя, спросить тебя о природѣ пчелы, что такое она, **В.** а ты сказалъ бы, что ихъ много и онѣ разнообразны; то какой бы далъ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: въ томъ ли отношеніи ты приписываешь пчеламъ многочисленность, разнообразіе и взаимное различіе, что онѣ пчелы? или различіе ихъ зависитъ не отъ этого, а отъ чего-нибудь иного, наприкладъ, отъ красоты, величины и другихъ подобныхъ свойствъ? Скажи, какъ отвѣчалъ бы ты на это?

Мен. Я отвѣчалъ бы, что онѣ, какъ пчелы, ничѣмъ не отличаются одна отъ другой.

Сокр. Но еслибы потомъ я спросилъ тебя: скажи же **С.** мнѣ, Менонъ, то самое, чѣмъ пчелы не отличаются одна отъ другой, или въ чемъ всѣ онѣ—одно и то же? Могъ ли бы ты какъ-нибудь отвѣчать мнѣ?

Мен. Могъ бы.

Сокр. Вотъ такъ-то и о добродѣтеляхъ: хотя ихъ много, и онѣ разнообразны, однакожь всѣ составляютъ, конечно, одинъ родъ, по которому называются добродѣтелями, и на который хорошо бы смотрѣть тому, кто своимъ отвѣтомъ на вопросъ хочетъ опредѣлить существо добродѣтели. Или ты не понимаешь, о чемъ я говорю?

Мен. Кажется, понимаю; впрочемъ вопросъ твой все еще **Д.** не такъ для меня ясенъ, какъ бы мнѣ хотѣлось.

Сокр. Но только ли добродѣтель, Менонъ, ты считаешь—иною у мужчины, иною у женщины и иною у другихъ, или такимъ же образомъ думаешь и о здоровьѣ, и о величинѣ, и о силѣ? То-есть, иное ли, по твоему мнѣнію, здоровье у мужчины, а иное у женщины? или, по роду, оно вездѣ то же самое—и у женщины, и у всѣхъ, лишь бы только было здоровье?

Мен. Мнѣ кажется, здоровье—одно и у мужчины, и у женщины.

Е. *Сокр.* Слѣдовательно—и величина и сила? То-есть, если женщина сильна; то она сильна тѣмъ же самымъ родомъ, тою же самою силою? А когда я говорю: тою же самою силою; тогда силу, въ смыслѣ силы, нахожу безразличною, мужчинѣ ли она принадлежитъ, или женщинѣ. Но тебѣ кажется она чѣмъ-то различнымъ?

Мен. Нѣтъ.

73. *Сокр.* А добродѣтель, въ смыслѣ добродѣтели, различается ли чѣмъ-нибудь, — дитяти ли она принадлежитъ или старику, женщинѣ или мужчинѣ?

Мен. Мнѣ какъ-то представляется, Сократъ, что добродѣтель не походитъ на все это.

Сокр. Однакожь, не говорилъ ли ты, что хорошо управлять городомъ есть добродѣтель мужчины, а домомъ—добродѣтель женщины?

Мен. Говорилъ.

Сокр. Но тотъ можетъ ли править городомъ, домомъ, или чѣмъ другимъ—хорошо, кто не умѣетъ править разсудительно и справедливо?

В. *Мен.* Конечно не можетъ.

Сокр. А кто править разсудительно и справедливо, тотъ править разсудительностію и справедливостію?

Мен. Необходимо.

Сокр. Слѣдовательно разсудительность и справедливость равно нужна обоимъ—и мужчинѣ и женщинѣ, если они хотятъ быть добрыми.

Мен. Кажется.

Гокр. Что же далѣе? Дитя и старикъ, положимъ, дерзкіе и несправедливые, могутъ ли быть добрыми?

Мен. Нѣтъ.

Сокр. А разсудительные и справедливые?

Мен. Могутъ.

С. *Сокр.* И такъ всѣ люди добры одинакимъ образомъ, потому что бываютъ добрыми при однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Еслибы, то-есть, добродѣтель ихъ была не одна и та же; то они были бы добры не одинакимъ образомъ?

Мен. Конечно.

Сокр. А когда добродѣтель у всѣхъ одна и та же, — постарайся сказать и припомнить, что такое она, по мнѣнію Горгіаса и твоему собственному.

Мен. Что другое, какъ не умѣнье управлять людьми, если только ищешь ты чего-то одного во всемъ?

Сокр. Да, ищу-таки. Но ужели и дитяти и рабу, Менонъ, свойственна эта самая добродѣтель управлять господиномъ? Не думаешь ли, что и рабъ есть правитель?

Мен. Вовсе не думаю, Сократъ.

Сокр. Да и несообразно было бы, почтеннѣйшій. И то еще смотри: дѣло управленія ты называешь способностію, — не нужно ли присоединить къ этому: управленія справедливаго, а не несправедливаго?

Мен. Конечно нужно, Сократъ; потому что справедливость есть добродѣтель.

Сокр. Но добродѣтель ли она, Менонъ, или нѣкоторая добродѣтель?

Мен. Какъ это?

Сокр. Какъ и другое что-нибудь. Напримѣръ, говоря о круглотѣ, я могъ бы, если угодно, назвать ее нѣкоторою фигурою, а не просто фигурою, и назвалъ бы нѣкоторою — потому, что есть и инныя фигуры.

Мен. Да, ты говоришь вѣрно. Я и самъ допускаю не одну справедливость, но и инныя добродѣтели.

Сокр. Скажи же, какія именно. Вотъ я готовъ перечестъ 74 тебѣ всѣ фигуры, если прикажешь: перечти же и ты мнѣ всѣ добродѣтели.

Мен. По моему мнѣнію, добродѣтели суть: мужество, разсудительность, мудрость, великолѣпіе ¹, и множество другихъ.

¹ *Великолѣпіе, μεγαλοπρέπεια* — добродѣтель совѣстовъ, повидимому, соотвѣтствовавшая нашему педантству, или способность, какъ говорится, бросать

Сокр. Но опять та же бѣда, Менонъ: опять нашлось много добродѣтелей; а искали одной, — только тогда иначе, нежели теперь. Одной же добродѣтели, которая была бы во всѣхъ, никакъ не находимъ.

В. *Мен.* Да, Сократъ; схватить, согласно съ твоимъ желаніемъ, одну добродѣтель во всѣхъ, я что-то не могу; это не такъ, какъ въ другихъ вещахъ.

Сокр. И естественно; однакожъ я постараюсь, если только буду въ состояніи, подвинуть наши изслѣдованія впередъ. Тебѣ, можетъ быть, извѣстно, что все бываетъ слѣдующимъ образомъ: пусть бы кто-нибудь спросилъ тебя, о чемъ и я недавно говорилъ: что такое фигура, Менонъ? Ты, положимъ, отвѣчалъ бы: фигура есть круглота. Потомъ, пусть предложили бы тебѣ другой вопросъ, подобный моему: круглота—фигура ли, или нѣкоторая фигура? Ты вѣроятно назвалъ бы ее нѣкоторою фигурою.

Мен. Конечно.

Сокр. Не потому ли, что существуютъ и другія?

С. *Мен.* Да.

Сокр. А когда послѣ того спросили бы тебя: какія именно?—сказалъ ли бы ты?

Мен. Сказалъ бы.

Сокр. Равнымъ образомъ, еслибы спросили тебя, что такое цвѣтъ, и ты назвалъ бы его бѣлизною; то на другой вопросъ: бѣлизна—цвѣтъ ли, или нѣкоторый цвѣтъ?—ты конечно отвѣчалъ бы: нѣкоторый; потому что есть и другіе.

Мен. Отвѣчалъ бы.

Сокр. И когда попросили бы тебя перечислить ихъ; то перечислилъ бы всѣ, которымъ, какъ и бѣлому, прилично названіе цвѣта?

Д. *Мен.* Перечислилъ бы.

Сокр. А еслибы кто-нибудь, какъ и я, изслѣдывая пред-

пыль въ глаза. Сравни., что выше сказано о Горгіасѣ, который училъ юношей ἀφθρως και μεγαλοπρεπῶς (высока и самонадѣянно) ἀποκρίνεσθαι.

метъ, сказалъ: мы все приходимъ къ чему-то многому; между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы не того: но такъ какъ многое ты называешь однимъ какимъ-нибудь именемъ и говоришь, что изъ этого множества нѣтъ ничего, что не носило бы названія фигуры, хотя бы каждая изъ нихъ была даже противоположна другой; то опредѣли мнѣ вещь, которая равно заключала бы въ себѣ и круглосту и прямоу, и которую ты называешь фигурою, разумѣя подъ этимъ именемъ фигуру, какъ круглую, такъ и прямую. Или твои мысли не таковы?

Е.

Мен. Таковы.

Сокр. А думая такъ, круглостю назовешь ли ты не болѣе круглосту, какъ и прямоу, и прямою—не болѣе прямоу, какъ и круглосту?

Мен. Не назову, Сократъ.

Сокр. Между тѣмъ фигура-то, по твоему мнѣнію, есть не болѣе круглота, какъ и прямота; такъ что одна не включаетъ другой ¹.

Мен. Правда.

Сокр. Попытайся же сказать, что бы такое было, чему ты даешь имя фигуры. Еслибы кто подобнымъ образомъ спросилъ тебя о фигурѣ или цвѣтѣ, а ты отвѣтилъ бы ему: я не понимаю, добрый человѣкъ, чего тебѣ хочется и о чемъ ты спрашиваешь; то онъ можетъ быть удивился бы и сказалъ: такъ ты не понимаешь, что я во всемъ этомъ ищу одного и того же? Неужели, Менонъ, у тебя не было бы силъ отвѣчать, когда бы предложили тебѣ слѣдующій вопросъ: что такое одно и то же во всемъ—и въ круглостѣ, и въ прямоствѣ, и въ прочемъ, заключающемся подъ словомъ «фигура?» Попытайся сказать, чтобы приготовиться къ отвѣту о добродѣтели.

75.

Мен. Нѣтъ, скажи самъ, Сократъ.

В.

¹ Доказательство идетъ слѣдующимъ образомъ: хотя круглое ты считаешь круглымъ, а прямое—прямымъ, и одно отдѣляешь отъ другаго; однакожъ какъ круглое, такъ и прямое, тѣмъ не менѣе называешь фигурою.

Сокр. А хочешь ли, я доставлю тебѣ это удовольствіе?

Мен. И очень.

Сокр. Но согласишься ли и ты сказать мнѣ о добродѣтели?

Мен. Соглашусь.

Сокр. Такъ надобно постараться;—да и стоитъ.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Хорошо; попытаемся же сказать тебѣ, что такое фигура. Смотри не примешь ли слѣдующаго: фигура, положимъ, есть то, что одно изъ сущаго всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ. Довольно ли для тебя, или потребуешь какого-нибудь другаго опредѣленія? Я былъ бы радъ, еслибы ты хоть такъ опредѣлилъ мнѣ добродѣтель.

C. *Мен.* Но вѣдь это-то, Сократъ, простовато.

Сокр. Какъ?

Мен. По твоимъ словамъ, фигура есть то, что всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ; — положимъ: но еслибы кто сказалъ, что онъ не знаетъ цвѣта и сомнѣвается въ немъ такъ же, какъ и въ фигурѣ, — что отвѣтилъ бы ты ему?

Сокр. Отвѣтилъ бы правду. Когда вопрошатель былъ бы изъ числа мудрецовъ, любящихъ спорить и состязаться, — я сказалъ бы ему, что это дѣйствительно мои слова, и если онѣ несправедливы, — твое дѣло войти въ разговоръ и опровергнуть ихъ. А когда собесѣдники захотятъ разговаривать дружески, какъ я и ты, — имъ надобно отвѣчать на вопросы спокойнѣе и согласнѣе съ діалектикою ¹; діалектика же, вѣроятно, требуетъ, чтобы отвѣты были нетолько справедливы, но и въ связи съ понятіями вопрошателя. Вотъ и я постараюсь говорить съ тобою такимъ образомъ. Отвѣчай-ка

¹ Разговоръ діалектической здѣсь, какъ и въ Тезетѣ (167 E), противопоставляется просто ученому спору τῶν ἐριστικῶν καὶ ἀγωνιστικῶν: потому что въ первомъ собесѣдники говорятъ дружески, выслушиваютъ одинъ другаго и соблюдаютъ всѣ правила діалектики; напротивъ во второмъ всякій имѣетъ въ виду только свое положеніе, не обращаетъ вниманія на мнѣнія другихъ, и не заботится ни о вѣрности опредѣленій, ни о точности раздѣленій, произносимыхъ собесѣдникомъ. Эристика основывается на эгоизмѣ, діалектика — на любви къ истинѣ.

миѣ: называешь ли ты что-нибудь концомъ, то-есть, что-нибудь такимъ, какъ предѣлъ и крайность?—По моему миѣнiю, всѣ эти слова тождественны, хотя Продигъ, можетъ быть, и нашелъ бы между ними различiе.—Такъ приписываешь ли ты чему-нибудь предѣльность и законченность?—Я говорю это просто, безъ затѣй ¹.

Мен. Конечно приписываю и, кажется, понимаю тебя.

Сокр. Что? называешь ли ты одно поверхностiю, а другое—твердостiю, напримѣръ, въ геометрiи? 76.

Мен. Называю.

Сокр. Ну вотъ изъ этого и можешь понять, что я разумѣю подъ именемъ фигуры. Вѣдь во всякой фигурѣ фигурою я называю то, чѣмъ оканчивается твердость; стало быть, принимая это вмѣстѣ, могу назвать ее предѣломъ твердости.

Мен. А что называешь цвѣтомъ, Сократъ?

Сокр. Ты назойливъ, Менонъ, — на человѣка стараго взваливаешь трудъ отвѣчать на вопросы ², а самъ не хочешь припомнить и сказать, въ чемъ Горгиасъ поставляетъ добродѣтель. В.

Мен. Нѣтъ, я скажу, Сократъ, когда отвѣтишь на мой вопросъ.

Сокр. Съ кѣмъ ты разговариваешь, Менонъ; тотъ, и закрывъ глаза, узнаетъ въ тебѣ красавца, у котораго есть угодники.

Мен. Отчего жъ это?

Сокр. Оттого, что въ разговорѣ ты только приказываешь; а такъ поступаютъ люди избалованные, которые, пока С.

¹ *Просто, безъ затѣй, οὐδὲν ποικίλον*, по вѣрному истолкованiю Гейндорфа, nihil varium subdolumque, quod ambagibus facile deludat et difficilem habeat explicatum. См. Symp. p. 182. 13. Tim. p. 59. С. Phileb. p. 53. Е. Cratyl. p. 393. Е.

² *Заставляешь отвечать на вопросы, πράγματα προστάττεις ἀποκρίνεσθαι*, то-есть, навязываешь миѣ трудъ отвѣчать. Таково въ этомъ мѣстѣ значенiе слова *πράγμα*. Для объясненiя его, Гейндорфъ весьма кстати приводитъ слова Ксенофонта (Оесоп. 17. 11): τοῖς ἀσθενεστέροις πᾶσι μείω προστάττειν πράγματα. Поэтому Астъ несправедливо изгоняетъ *πράγματα* изъ настоящаго текста.

цвѣтутъ красотою, бываютъ самовластными повелителями. Можетъ быть, тобою замѣчено, что и я не могу противиться красавцамъ? Изволь, сдѣлаю тебѣ удовольствіе, буду отвѣчать.

Мен. Конечно сдѣлай.

Сокр. Но хочешь ли, отвѣчу мнѣніемъ Горгіаса, чтобы для тебя было понятнѣе?

Мен. Хочу; почему же не такъ?

Сокр. Не правда ли, что вы, по ученію Эмпедокла, допускаете какія-то истеченія изъ всего сущаго?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. И поры, въ которыя и чрезъ которыя эти истеченія проходятъ?

D. *Мен.* Конечно.

Сокр. И однѣ изъ истеченій соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ порамъ, а другія менѣе, или болѣе ихъ?

Мен. Такъ.

Сокр. Но ты называешь что-нибудь и зрѣніемъ?

Мен. Называю.

Сокр. Ну такъ пойми изъ этого, что я говорю, сказалъ Пиндаръ ¹. Цвѣтъ есть истеченіе фигуръ, соотвѣтствующее зрѣнію и осязаемое для него.

Мен. Этотъ отвѣтъ, Сократъ, кажется, весьма хорошъ.

Сокр. Можетъ быть, оттого, что онъ—по твоему образу мыслей; сверхъ сего ты, по видимому, надѣешься вывести отсюда значеніе голоса, обонянія и многое тому подобное.

E. *Мен.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Да, Менонъ; это—отвѣтъ трагическій ², когда онъ нравится тебѣ болѣе отвѣта о фигурѣ.

¹ См. fragmenta Pindari у Бекка N. 71. Такое же опредѣленіе цвѣта встрѣчается въ Тимей р. 68. С.

² траγική ἐστὶν ἢ ἀπόκρισις, то-есть, напыщенный, произносимый свысока,—такой, какіе давалъ Эмпедоклъ. А въ рѣчи Эмпедокла, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (VIII. 70), всегда замѣчали траγικὸν τύπον. Въ этомъ же смыслѣ траγικός λέγειν употребляется de Rep. VIII. р. 545. Е. гдѣ, для объясненія, прибавлено ὑψηλολογεῖσθαι.

Мен. Конечно болѣе.

Сокр. А по моему убѣжденію, сынъ Алексидема, такъ онъ не таковъ; тотъ лучше. Даже, думаю, и тебѣ не показался бы онъ, еслибы ты, по вчерашнимъ твоимъ словамъ, не имѣлъ надобности отправиться отсюда прежде мистерій, но, оставшись здѣсь, посвятился бы въ нихъ ¹.

77.

Мен. Да, я остался бы, Сократъ, еслибы ты говорилъ мнѣ много такихъ вещей.

Сокр. Въ желаніи-то говорить недостатка не будетъ — и ради тебя, и ради меня самого. Но что, какъ не съумѣю высказать много такихъ вещей! Однако смотри же, постарайся и ты исполнить свое обѣщаніе—опредѣлить добродѣтель вообще, что такое она; перестань дѣлать многое изъ одного ², какъ всегда говорятъ въ шутку о тѣхъ, которые что-нибудь переламаываютъ; оставь добродѣтель цѣлою и здоровою, и скажи, что она такое. Вѣдь примѣры-то я предложилъ **В.** тебѣ.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, что быть добродѣтельнымъ, значить, по словамъ поэта, радоваться хорошему и имѣть для того способность ³. Поэтому я опредѣляю добродѣтель слѣдующимъ образомъ: она есть желаніе хорошаго и способность производить его.

¹ Сократъ, по замѣчанію Гедике, употребляетъ здѣсь метонимическую игру словъ, какъ въ *Symp.* p. 209 E., разумѣя подъ мистеріями собственное свое ученіе. Какбы такъ сказалъ онъ: ты общался увѣхать изъ Афинъ прежде празднованія мистерій; но еслибы тебѣ угодно было остаться и посвятиться въ таинства моего ученія, то опредѣленіе фигуры ты нашелъ бы лучшимъ, нежели опредѣленіе цвѣта. Впрочемъ эти слова дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что начало Менона потеряно, и что до насъ дошла только часть его.

² πολλὰ ποιῶν ἐκ τοῦ ἑνός,—шуточная поговорка, о которой см. *Schott.* adagg. Gr. 1101 *Erasm.* adagg. p. 266. ed. Steph. Впрочемъ она объясняется словами самого Платона, *Phaedr.* p. 265. D. τὸ πάλιν κατ' εἶδη δύνασθαι τέμνειν κατ' ἄρθρα, ἢ πέφυκεν, καὶ μὴ ἐπιχειρεῖν καταγυῖναι μέρος μηδέν, κακοῦ μαγεῖρος τρόπον χρώμενον.

³ *И имѣть для него способность, καὶ δύνασθαι*, то-есть *σὺτὰ* p. 79. В. С. Въ греческомъ языкѣ глаголы, требующіе различныхъ падежей, нерѣдко соединяются въ одну и ту же конструкцію; такъ напр. ниже p. 78. A. τί γὰρ ἄλλο ἐστὶν ἕσθιον εἶναι ἢ ἐπιθυμεῖν τε τῶν καλῶν καὶ κτᾶσθαι, то-есть *αὐτά*.

Сокр. Но желать хорошаго, значить ли, по твоему мнѣнію, желать добраго?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. Вѣрно потому, что одни изъ людей желаютъ зла, а другіе добра? Вѣдь не всѣ же, почтеннѣйшій, представляются стремящимися къ добру?

Мен. Конечно нѣтъ.

С. *Сокр.* Напротивъ, нѣкоторые къ злу.

Мен. Да.

Сокр. Потому ли, скажешь, что зло почитаютъ добромъ, или, и сознавая его, какъ зло, тѣмъ не менѣе стремятся къ нему?

Мен. Мнѣ кажется то и другое.

Сокр. И тебѣ, Менонъ, въ самомъ дѣлѣ кажется, что сознающій зло, какъ зло, тѣмъ не менѣе желаетъ его?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. Чего же, по твоему мнѣнію, желаетъ онъ? чтобы приключилось ему зло?

Мен. Чтобы приключилось; чего же болѣе?

Д. *Сокр.* Съ тою ли мыслию, что человѣку, которому приключается, оно приноситъ пользу, или въ томъ сознаниі, что каждый, подвергающійся ему, терпитъ вредъ?

Мен. Есть люди, которые думаютъ, что зло пользуетъ, есть и такіе, которые знаютъ, что оно вредитъ.

Сокр. Кажется ли тебѣ, что люди, почитающіе зло полезнымъ, сознаютъ, что оно — зло?

Мен. Этого-то мнѣ не кажется.

Е. *Сокр.* Слѣдовательно люди, несознающіе зла, очевидно, желаютъ не зла, а того, что почитали добромъ, и что на самомъ дѣлѣ есть зло, то-есть, несознающіе зла и почитающіе его добромъ, стремятся видимо къ добру. Или нѣтъ?

Мен. Должно быть, такъ.

Сокр. Что же далѣе? люди, желающіе, какъ ты говоришь, зла, и однакожь думашіе, что зло вредитъ тому, кому приключается, можетъ быть, сознаютъ, что они получаютъ отъ него вредъ?

Мен. Необходимо.

Сокр. А тѣхъ, которые получаютъ вредъ, не почитаютъ ли они людьми жалкими, поколику имъ что-нибудь вредно?

Мен. И это необходимо.

Сокр. А людей жалкихъ не называютъ ли они несчастными? 78.

Мен. Я думаю.

Сокр. Но есть ли такой человѣкъ, который хочетъ быть жалкимъ и несчастнымъ?

Мен. Кажется нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно никто не хочетъ зла, Менонъ, если не хочетъ быть такимъ. Да и что иное значить быть жалкимъ, какъ не хотѣть зла и не приобрѣтать его?

Мен. Ты, должно быть, говоришь правду, Сократъ. Въ В. самомъ дѣлѣ никто не хочетъ зла.

Сокр. А не сказалъ ли ты недавно, что быть добродѣтельными, значить хотѣть добра и имѣть способность для него?

Мен. Конечно сказалъ.

Сокр. Если же сказалъ; то хотѣть его свойственно вѣдъ всѣмъ, и въ этомъ отношеніи одинъ вѣрно ничѣмъ не лучше другаго?

Мен. Видимо.

Сокр. Между тѣмъ явно, что какъ скоро одинъ лучше другаго, то лучшимъ былъ бы онъ по способности къ добру.

Мен. Конечно.

Сокр. Значить, по твоему понятію, добродѣтель, видно, есть способность производить добро.

Мен. Я думаю совершенно такъ, какъ ты, Сократъ, теперь предполагаешь.

Сокр. Посмотримъ же и на это, справедливы ли слова твои. Можетъ быть, ты говоришь и хорошо. Вѣдь возможность производить добродѣтель у тебя называется добромъ?

Мен. Да.

Сокр. Но добро, по твоему мнѣнію, не есть ли, напри- мѣръ, здоровье и богатство?—разумѣю также приобрѣтеніе

золота, серебра, почестей и власти въ обществѣ. Или ты считаешь добромъ что-нибудь иное, а не это?

Мен. Нѣтъ не иное, но все это.

Д. *Сокр.* Хорошо; пускай добываніе золота и серебра есть добродѣтель, какъ говоритъ Менонъ, отечественный иностранецъ великаго царя ¹. Однакожъ съ этимъ добываніемъ соединяешь ли ты, Менонъ, понятія—*справедливо* и *свято*, или для тебя это все равно? Еслибы, то-есть, кто-нибудь добывалъ и несправедливо,—ты тѣмъ не менѣ называлъ бы это добродѣтелию?

Мен. Ну нѣтъ, Сократъ; называлъ бы порокомъ.

Сокр. Слѣдственно къ этому добыванію, по видимому, непременно надобно присоединить либо справедливость, либо Е. разсудительность, либо святость, либо какую-нибудь другую часть добродѣтели; а иначе оно не будетъ добродѣтель, хотя и производитъ добро.

Мен. Да безъ этого какъ же быть добродѣтели?

Сокр. А не добывать золота и серебра ни себѣ, ни другому, когда это несправедливо, — такое именно недобываніе не есть ли добродѣтель?

Мен. Видимо добродѣтель.

Сокр. Слѣдовательно добываніе подобныхъ благъ — не больше добродѣтель, какъ и недобываніе ихъ: видно, что сопровождается справедливостію, то будетъ добродѣтель; а что бываетъ безъ всего подобнаго, то — порокъ?

79. *Мен.* Мнѣ кажется, необходимо думать такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Но каждую изъ этихъ вещей, — то-есть, справедливость, разсудительность и все подобное, немного прежде не называли ли мы частію добродѣтели?

Мен. Да.

Сокр. Такъ ты, Менонъ, шутишь надо мною?

---

¹ То-есть, единоплеменникъ Грековъ, состоящій однакожъ на службѣ великаго царя, слѣдовательно бывшій для него иностранцемъ, или гостемъ,

Мен. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Недавно я просилъ тебя не ломать и не раздроблять добродѣтели, и предложилъ примѣры, какъ надлежало отвѣчать: а ты, пренебрегши этимъ, сказалъ мнѣ, что добродѣтель есть возможность производить добро справедливо; справедливость же призналъ частію добродѣтели. В.

Мен. Конечно.

Сокр. Но изъ признанныхъ тобою положеній слѣдуетъ, что быть добродѣтельнымъ; значить, дѣлать, что бы кто ни дѣлалъ, съ одною частію добродѣтели, потому что справедливость, равно какъ и прочее въ томъ же родѣ, ты называешь частію добродѣтели.

Мен. Такъ что же?

Сокр. То, что я просилъ тебя опредѣлить цѣлую добродѣтель; а ты отнюдь не сказалъ, что она такое, и называешь добродѣтелию всякое дѣло, какъ скоро оно производится частію добродѣтели. Ты какъ бы такъ говоришь: С. добродѣтель въ цѣломъ я узнаю и изъ того уже, когда она будетъ раздроблена на части. И такъ тебѣ, любезный Менонъ, кажется, нуженъ снова тотъ же вопросъ: что такое добродѣтель? а иначе всякое дѣло съ частію добродѣтели будетъ добродѣтель. Вѣдь это именно можно говорить, когда бы кто говорилъ, что всякое дѣло съ справедливостію есть добродѣтель. Или ты не считаешь нужнымъ возвратиться къ прежнему вопросу, а думаешь, что иной знаетъ, что такое часть добродѣтели, не зная самой добродѣтели?

Мен. Нѣтъ, я не думаю этого.

Сокр. Особенно если помнишь, что, когда предъ этимъ D. я отвѣчалъ тебѣ о фигурѣ,—мы того отвѣта не одобрили; потому что онъ основывался на понятіи еще изслѣдываемомъ, а не признанномъ.

Мен. И справедливо не одобрили, Сократъ.

Сокр. Не думай же и ты, почтеннѣйшій, объяснить кому-нибудь добродѣтель чрезъ указаніе на ея части, ко-

гда только еще изслѣдывается, что такое она въ цѣломъ, или дознать что другое, говоря такимъ образомъ; иначе всегда потребуется прежній вопросъ: на какомъ понятіи о Е. добродѣтели основывается то, что ты говоришь о ней. Или мои слова, по твоему мнѣнію, ничего не значать?

Мен. Мнѣ кажется, они справедливы.

Сокр. Отвѣчай же опять сначала: что называете вы добродѣтелию—ты и другъ твой?

Мен. Сократъ! слыхалъ я и прежде, чѣмъ встрѣтился 80. съ тобою, что ты не дѣлаешь ничего болѣе, какъ самъ недоумѣваешь, и другихъ вводишь въ недоумѣніе; вижу и теперь, что ты чаруешь меня, обворожаешь, просто — околдовываешь, такъ что я полонъ сомнѣнія. Ты и видомъ и всѣмъ другимъ, если можно позволить себѣ шутку, кажется, совершенно походишь на широкую морскую рыбу, торпиль ¹. Вѣдь и она приближающагося и прикасающагося къ себѣ человѣка приводитъ въ оцѣпенѣніе; В. и ты сегодня сдѣлалъ со мною, по видимому, нѣчто подобное, — оцѣпенилъ меня. Да, я истинно нахожусь въ оцѣпенѣніи — и по душѣ и по языку, такъ что не могу сказать тебѣ. О добродѣтели я бесѣдовалъ тысячекратно, продолжительно, со многими и, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, не безъ успѣха: а теперь даже не могу отвѣчать, что такое она вообще. Кажется, хорошо дѣлаешь ты, что и не отплываешь и не уѣзжаешь отсюда; потому что въ другомъ городѣ, будучи чужестранцемъ и поступая такимъ образомъ, тотчасъ бы заключенъ былъ, какъ чародѣй.

Сокр. Хитрецъ ты, Менонъ! едва не обманулъ меня.

---

¹ Ты и видомъ и всѣмъ другимъ походишь на широкую морскую рыбу торпиль. Свойства этой рыбы описываютъ *Oppianus* *Halient.* II. 56 — 85-III. 149. sqq. *Aristoteles* *Hist. an.* IX. 37. *Aelianus* *N. A.* 1. 36. IX. 14. *Plinius* *A. N.* XXXII. 1. torpedo etiamsi procul et e longinquo, vel si hasta virgave attingatur, quamvis praevalidi lacerti torpescunt. IX. 42; Novit torpedo vim suam ipsa non torpescens etc. Менонъ уподобляетъ Сократа этой рыбѣ τὸ εἶδος, вѣроятно по широкому, силенообразному лицу его, какимъ оно описывается въ *Symrov.* p. 215. A. sqq.

Мен. Что еще, Сократъ?

С.

Сокр. Знаю, для чего прискалъ мнѣ это подобіе.

Мен. А для чего, думаешь?

Сокр. Для того, чтобы я и тебя уподобилъ. Мнѣ вѣдь извѣстно, что всѣмъ красавцамъ нравится быть уподобляемыми. Это имъ выгодно; потому что къ людямъ красивымъ подбираются и подобія красивыя. Однакожь я не уподоблю тебя. Если твоя торпиль, приводя въ оцѣпенѣніе другихъ, и сама цѣпенѣтъ; то я похожу на нее: а когда нѣтъ; то не похожу. Вѣдь я привожу другихъ въ недоумѣніе — не потому, что самъ разумѣю дѣло; а потому, напротивъ, заставляю другихъ сомнѣваться, что самъ сомнѣваюсь. D. Вотъ и теперъ, что касается до добродѣтели, я не знаю, въ чемъ состоитъ она; а ты, прежде чѣмъ сошелся со мною, можетъ быть, зналъ, — и вдругъ уподобился незнающему. Впрочемъ, мнѣ все-таки хочется вмѣстѣ съ тобою рассмотреть и изслѣдовать, что она такое.

Мен. Но какимъ образомъ, Сократъ, ты будешь изслѣдывать то, чего не можешь опредѣлить вообще? Какою предположишь себѣ вещь, которой не знаешь, а ищешь? Даже, еслибы ты и встрѣтился съ нею, — какъ узнаешь, что это она, когда не зналъ ея ¹?

Сокр. Понимаю, что хочешь ты сказать, Менонъ. Ви- E. дишь, какое спорное приводишь положеніе! Какъ будто человѣкъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ изслѣдывать — ни того, что знаетъ, ни того, чего не знаетъ: не можетъ изслѣдывать того, что знаетъ, такъ какъ знаетъ, и не имѣетъ нужды въ такомъ именно изслѣдованіи; не можетъ

---

¹ Этотъ софизмъ, отвергающій всякую возможность синтетическаго познанія, нѣкоторые критики производятъ отъ мегарскихъ философовъ. Но такое мнѣніе — анахронизмъ; потому что Менонъ, какъ доказано въ введеніи, написанъ еще при жизни Сократа, слѣдовательно до существованія Мегарской школы. Съ большимъ правдоподобіемъ можно производить его отъ учениковъ Протагора; потому что подобные софизмы встрѣчаются и въ Эвтидемѣ р. 275 D. E., въ которомъ бесѣдуютъ съ Сократомъ Протагоровы послѣдователи.

изслѣдывать и того, чего не знаетъ, такъ какъ не знаетъ,
81. что изслѣдывать.

Мен. Но развѣ, по твоему мнѣнію, Сократъ, это нехорошо говорится?

Сокр. Конечно нехорошо.

Мен. И ты можешь сказать, почему?

Сокр. Могу. Вѣдь я слушалъ мужчинъ и женщинъ, мудрыхъ въ отношеніи къ дѣламъ божественнымъ.

Мен. Что же говорятъ они?

Сокр. Кажется, все истинное и хорошее.

В. *Мен.* А что именно? и кто говорить?

Сокр. Говорятъ нѣкоторые жрецы и жрицы ¹, старающіеся о томъ, чтобы умѣть дать отчетъ въ своихъ обязанностяхъ; говоритъ также Пиндаръ ², говорятъ и многіе другіе поэты, называющіеся божественными; а говорятъ они вотъ что. Впрочемъ смотри самъ, истинными ли кажутся тебѣ слова ихъ. По ихъ ученію, человѣческая душа безсмертна и—то скончается, что называютъ они смертію, то снова рождается, но никогда не исчезаетъ. Поэтому надобно проводить свою жизнь какъ можно святѣе; «такъ какъ *Ферсефона* (Прозерпина) *въ тѣхъ людей, которыхъ подвергла казни за древнее блдствіе, на выпрennemъ солнць, въ девятомъ году снова вселяетъ души; потомъ изъ нихъ* С. *выходятъ знаменитые цари, отличные силою и великіе мудростію мужи; а въ послѣднія времена между людьми они называются непорочными героями.*» Если же душа, будучи

¹ Происхожденіе ученія о переселеніи душъ доселѣ не рѣшено. Если предположимъ, что у Грековъ оно разсматривалось двоякимъ образомъ: какъ предметъ религіознаго вѣрованія, и какъ задача философская; то Платонъ разумѣетъ его здѣсь, очевидно, въ первомъ смыслѣ и имѣетъ въ виду или орфическія мистеріи (см. *Lobeck. Aglaopham. T. II. p. 796. sqq.*), въ которыхъ оно преподавалось, или даже Эмпедокла, учителя Горгіасова, который не только принималъ метемпсихозу, но и по жизни, и по виду, и по дѣятельности походилъ на великаго жреца. *Quintil. III. 1. Sturz. de Empedocl. p. 443. sqq. Runtt. Истор. Фил. Ч. I. стр. 450 сл.*

² *Говоритъ также Пиндаръ. См. Boeckh. ad Fragm. Pindari p. 623 Dissen. Vol. II. p. 632.*

безсмертною и часто раждаясь, все видѣла и здѣсь и въ преисподней, такъ что нѣтъ вещи ¹, которой бы она не знала; то неудивительно, что въ ней есть возможность припоминать и добродѣтель, и другое, что ей извѣстно было прежде. Въдъ такъ какъ въ природѣ все имѣетъ сродство и душа знала всѣ вещи; то ничто не препятствуетъ ей, D. припомнивъ только одно, — а такое припоминаніе люди называютъ наукою, — отыскивать и прочее, лишь бы чело- вѣкъ былъ мужественъ и не утомлялся изслѣдованіями. Да и въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе и изученіе есть совершенное воспоминаніе ². Итакъ не должно вѣрить тому спорному положенію: оно можетъ сдѣлать насъ лѣнивыми и бываетъ пріятно для слуха людей изнѣженныхъ; а это располагаетъ къ трудамъ и изысканіямъ. Вѣря ему, я дѣйстви- E. тельно хочу разсмотрѣть вмѣстѣ съ тобою, что такое добродѣтель.

Мен. Да, Сократъ; но какъ ты говоришь, будто мы ничего не изучаемъ, и будто то, что называется наукою, есть воспоминаніе? Можешь ли научить меня, что это дѣйствительно такъ?

Сокр. Я недавно сказалъ, что ты, Менонъ, хитрецъ: вотъ и теперь спрашиваешь, могу ли я научить тебя, какъ будто не мною было положено, что нѣтъ науки, а есть припоминаніе. Ты хочешь чтобы я тотчасъ же противо- 82. рѣчилъ самому себѣ.

Мен. О нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ. Спрашивая тебя, я не имѣлъ этого въ виду, я сказалъ по привычкѣ.

¹ Такъ что нѣтъ вещи, которой. . . . καὶ πάντα χρέματα, οὐκ ἔστιν ὃ τι...
Выраженіе καὶ πάντα χρέματα значитъ у Платона — и вообще, или однимъ сло-
вомъ. См. Schaaf. ad Demosth. Appar. T. I. p. 305. Fritsch. Quaest. Lucian.
p. 67: Stallbaum ad Gorg. p. 465. В.

² Очевидно, что Сократъ доказываетъ здѣсь возможность синтетиче-
скаго познанія, или изслѣдованія вещей, взятыхъ порознь, — на томъ осно-
ваніи, что всѣ вещи мы нѣкогда видѣли, слѣдовательно идея всего находит-
ся въ нашей душѣ, надобно только ввести ее въ сознаніе посредствомъ воз-
бужденія частныхъ представленій, что Платонъ называетъ припоминаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если можешь объяснить мнѣ, что бываетъ именно такъ, какъ ты говоришь; то объясни.

Сокр. Но вѣдь это не легко: впрочемъ для тебя — постараюсь; только позови сюда, кого хочешь, одного изъ этого множества слугъ твоихъ ¹, чтобы на немъ показать тебѣ.

Мен. Изволь.—Поди сюда.

Сокр. Но Грекъ ли ² онъ и говорить ли погречески?

Мен. Даже очень изрядно;—въ моемъ домѣ и родился.

Сокр. Замѣчай же, какъ тебѣ покажется: станетъ ли онъ припоминать, или будетъ учиться у меня?

Мен. Хорошо, буду замѣчать.

Сокр. Скажи-ка мнѣ, мальчикъ: знаешь ли ты, что четырехугольное пространство таково ³?

¹ Такъ какъ Менонъ принадлежалъ къ знаменитому и богатому дому; то, по обычаю древнихъ аристократовъ, за нимъ всюду слѣдовала цѣлая толпа слугъ. Сравни прим. къ Протагору. стр. 52.

² Но Грекъ ли онъ? *Ἕλλην μὲν ἔστι;* частицу *μὲν* я выражаю союзомъ *но*. Такъ употребляется она въ рѣчи вопросительной, когда предложенье, въ которомъ должно бы стоять *μὲν*, умалчивается. Поэтому *μὲν*, находясь въ апотазисѣ, служитъ намекомъ на пропущенный протазисъ. Сократъ какъ бы такъ говоритъ: *ἐκάλειτάς μιν, ἀλλ' ἢ Ἕλλην ἔστι;* подобное употребленье частицы *μὲν* см. Charin. 153. С. и мое примѣч. къ сему мѣсту. Theaet. p. 161. E. *Aristoph.* Avv. v. 1214 *Eurip.* Med. v. 976. 1119.

³ Этимъ вопросомъ начинается доказательство Сократа, что человѣкъ не познаетъ, а только припоминаетъ частныя истины. Нѣтъ сомнѣнйя, что Платонъ, въ угодность своимъ началамъ, предлагалъ его прямо и серьезно, а не иронически, какъ кажется Штальбому и нѣкоторымъ другимъ критикамъ. Между тѣмъ, кто не видитъ, что мальчикъ, неучившійся геометрйи, схватываетъ геометрическйя истины, только чрезъ особенную ясность и вразумительность Сократовыхъ вопросовъ? Такимъ доказательствомъ — и еще съ большимъ правомъ — могъ бы воспользоваться Кантъ въ своей теорйи пространства и времени, какъ субъективныхъ формъ нашего духа; потому что пространство и время, откуда бы впрочемъ они ни происходили, непремѣнно лежатъ въ основанйи не только математическихъ, но и всѣхъ дискурсивныхъ познанйи. Чтобы вѣрно понять, какимъ образомъ Сократъ возбуждалъ въ мальчикѣ сознанье геометрическихъ началъ, надобно представить, что сперва онъ начерталъ на пескѣ какой нибудь квадратъ *abcd* и, предположивъ, что каждая сторона его равняется двумъ футамъ, нашелъ, что площадь его равна четыремъ футамъ. Потомъ спросилъ: каковы должны быть стороны квадрата, который былъ бы вдвое больше этого? Мальчику должно было показаться, что двойное пространство должно происходить и отъ удвоенныхъ сторонъ. Тогда Сократъ въ самомъ дѣлѣ удвоетъ стороны и построетъ квадратъ *aefg*, про-

Мал. Знаю.

Сокр. Слѣдовательно четверугольное пространство есть то, которое имѣеть всѣ эти линіи равныя, а именно четыре? С.

Мал. Конечно.

Сокр. Значить, и эти, проведенныя по срединѣ, также равны?

Мал. Да.

Сокр. Но это пространство не можетъ ли быть болѣе и менѣе?

Мал. Можетъ.

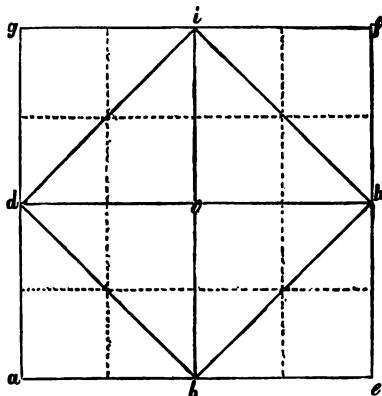
Сокр. Итакъ, еслибы эта сторона равнялась двумъ футамъ, и эта двумъ; то сколько футовъ заключалось бы въ цѣломъ? Смотри сюда: еслибы въ этой сторонѣ было два фута, а въ этой—только одинъ; то все пространство не равнялось ли бы однажды двумъ футамъ?

Мал. Равнялось бы.

Сокр. А такъ какъ и эта сторона въ два фута; то цѣлое D. не равно ли дважды двумъ?

Мал. Равно.

пространствомъ своимъ равняющійся первому, умноженному на 4. Такимъ образомъ открывается, что чрезъ удвоеніе сторонъ вышелъ квадратъ не въ восемь, а въ шестнадцать футовъ. Наконецъ, чтобы найти линію квадрата, котораго площадь была бы вдвое болѣе взятаго прежде, Сократъ проводитъ въ немъ діагональ bd и построитъ новый квадратъ $bdih$, состоящій изъ діагоналей всѣхъ четырехъ квадратовъ, слѣдовательно равняющійся восьми футамъ.

Сокр. Слѣдовательно въ немъ заключается дважды два фута?

Мал. Да.

Сокр. А сколько будетъ — дважды два фута? Подумай и скажи.

Мал. Четыре, Сократъ.

Сокр. Но не можетъ ли быть другаго пространства вдвое болѣе этого, — и притомъ такого, въ которомъ всѣ линіи были бы также равны?

Мал. Можетъ.

Сокр. Сколько же въ немъ будетъ футовъ?

Мал. Восемь.

Е. *Сокр.* А ну-ка, попробуйся сказать мнѣ, велика ли будетъ въ томъ пространствѣ каждая линія: въ этомъ по два фута, а въ томъ двойномъ — по скольку?

Мал. Очевидно вдвое, Сократъ.

Сокр. Видишь ли, Менонъ? я ничему не учу его, а все спрашиваю; и вотъ онъ приписываетъ себѣ знаніе о величинѣ той линіи, отъ которой произойдетъ восьмифутное пространство. Или тебѣ не кажется?

Мен. Нѣтъ, кажется.

Сокр. Итакъ онъ знаетъ?

Мен. Ну нѣтъ.

Сокр. По крайней мѣрѣ думаетъ, что оно произойдетъ отъ удвоенной?

Мен. Да.

83. *Сокр.* Наблюдай же: онъ будетъ припоминать по порядку, что слѣдуетъ далѣе. А ты говори мнѣ: утверждаешь ли, что отъ удвоенной линіи происходитъ двойное пространство? — разумѣю не такое, которое съ одной стороны длиннѣе, съ другой короче, а равностороннее кругомъ, какъ это, только двойное въ сравненіи съ этимъ, — въ восемь футовъ. Такъ смотри: еще ли тебѣ кажется, что оно произойдетъ отъ удвоенной линіи?

Мал. Мнѣ кажется.

Сокр. И та линия будетъ двойною вразсужденіи этой, — такъ какъ бы мы прибавили сюда другую такую же?

Мал. Конечно.

Сокр. А изъ ней, говоришь, составитя восьмифутовое пространство, если будутъ таковы всѣ четыре?

Мал. Да.

Сокр. Проведемъ же отъ ней четыре равныя. Не это ли в. называешь ты восьмифутовымъ пространствомъ?

Мал. Конечно.

Сокр. Но въ этомъ четверугольникѣ не четыре ли такихъ линіи, изъ которыхъ каждая равна этой четырехфутовой?

Мал. Да.

Сокр. Сколько же всего? — не четырежды ли столько?

Мал. Какъ же иначе?

Сокр. И такъ четырежды столько составитъ пространство двойное?

Мал. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Во сколько же большее?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Слѣдовательно изъ линіи удвоенной, мальчикъ, с. произойдетъ пространство не двойное, а четверное.

Мал. Правда.

Сокр. Потому что четырежды четыре—шестнадцать. Не такъ ли?

Мал. Такъ.

Сокр. А восьмифутовое пространство произойдетъ отъ какой линіи? Вотъ отъ этой происходитъ вѣдь въ четыре раза большее?

Мал. Да.

Сокр. Четырехфутовое же произошло отъ половины этой?

Мал. Точно.

Сокр. Пусть; а восьмифутовое не есть ли двойное вразсужденіи послѣдняго и половинное вразсужденіи перваго?

Мал. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно оно не произойдетъ ни изъ большей, или этакой линіи, ни изъ меньшей, или этакой. Не Д. правда ли?

Мал. Кажется, такъ.

Сокр. Хорошо; отвѣчай же, что тебѣ кажется, и говори: одна линія была не въ два ли фута, а другая—не въ четыре ли?

Мал. Да.

Сокр. Поэтому, линія восьмифутаваго пространства должна быть больше этой линіи, двухфутовой, и меньше этой, четырехфутовой?

Мал. Должна быть.

Е. *Сокр.* Попытайся же сказать, сколь велика она, по твоему мнѣнію.

Мал. Въ три фута.

Сокр. А если въ три фута; то не выйдетъ ли трехъ футовъ, когда мы возьмемъ половину этой? — потому что здѣсь два, да здѣсь одинъ. Равнымъ образомъ и съ этой стороны: два здѣсь, да одинъ здѣсь. И вотъ тебѣ то пространство, о которомъ ты говоришь.

Мал. Такъ.

Сокр. Но если въ этой сторонѣ три, и въ этой три; то въ цѣломъ пространствѣ не трижды ли три фута?

Мал. Видимо.

Сокр. А трижды три—сколько составитъ футовъ?

Мал. Девять.

Сокр. Между тѣмъ какъ двойному пространству сколько надлежало бы заключать въ себѣ футовъ?

Мал. Восемь.

Сокр. Слѣдовательно пространство восьмифутное происходитъ, видно, не изъ трехфутовой линіи.

Мал. Видно, не изъ трехфутовой.

Сокр. Изъ какой же? Попробуйся сказать намъ точнѣе, 84. и если не хочешь высчитать, то хоть покажи, сколь велика она должна быть.

Мал. Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, что не знаю.

Сокр. Замѣчаешь ли опять, Менонъ, до какой степени воспоминанія наконецъ дойдено? Онъ и прежде конечно не зналъ, что за линія восьмифутоваго пространства, равно какъ и теперь не знаетъ: но тогда былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что знаетъ ее, — смѣло отвѣчалъ, какъ человѣкъ знающій, и не думалъ сомнѣваться; напротивъ теперь уже считаетъ нужнымъ сомнѣние и, такъ какъ не знаетъ, то и увѣренъ въ своемъ незнаніи ¹.

Мен. Правда.

В.

Сокр. И настоящее его состояніе не лучше ли въ отношеніи къ тому предмету, котораго онъ не знаетъ?

Мен. Кажется, и это такъ.

Сокр. Слѣдовательно, приводя его въ недоумѣніе и оцѣпenea, какъ оцѣпeneяетъ торпиль, мы вѣрно не повредили ему?

Мен. Думаю, нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, кажется, приготовили его къ тому, чтобы онъ могъ открыть, въ чемъ состоитъ дѣло. Теперь, не зная, онъ вѣдь съ удовольствіемъ станетъ изслѣдывать; а тогда былъ бы увѣренъ, что легко, часто и многимъ въ состояніи прекрасно говорить, будто двойное пространство ^{С.} должно происходить отъ линіи, имѣющей двойную длину.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Итакъ думаешь ли, что онъ рѣшился бы изслѣдывать, или изучать то, въ чемъ представляетъ себя знающимъ, не зная, пока не впалъ бы въ недоумѣніе и, увѣрившись въ своемъ незнаніи, не пожелалъ бы узнать?

¹ Сократъ видитъ успѣхи мальчика именно въ томъ, что онъ наконецъ сознается въ своемъ незнаніи. Такова вообще цѣль Сократовой философіи — увѣриться чрезъ усилія ума въ его безсиліи и почувствовать жажду знанія, — цѣль совершенно противусофистическая; потому что и древніе и нынѣшніе софисты главнымъ дѣломъ поставляютъ увѣренность въ собственномъ знаніи, между тѣмъ, какъ на опытѣ оказывается, что въ знаніи-то именно у нихъ недостатокъ.

Мен. Не думаю, Сократъ.

Сокр. Значить, быть въ оцѣпененіи—полезно ему?

Мен. Кажется.

Сокр. Наблюдай же, что найдетъ онъ ¹, начавъ такимъ сомнѣніемъ и изслѣдывая вмѣстѣ со мною; хотя я буду только спрашивать, а не учить. Слѣди, откроешь ли, что я учу и изъясню, или только требую его мнѣнія. Говори-ка мнѣ: это пространство не четырехфутовое ли! Понимаешь?

Мал. Да.

Сокр. И мы можемъ приложить ² къ нему другое, ему равное?

Мал. Можемъ.

Сокр. И третье, равное каждому изъ нихъ?

Мал. Да.

Сокр. А нельзя ли намъ дополнить пространство въ этомъ углѣ?

Мал. Можно.

Сокр. Не вышло ли отсюда четырехъ равныхъ пространствъ?

Е. *Мал.* Вышло.

Сокр. Ну чтожь? Это цѣлое пространство во-сколько болѣе этого?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Но вѣдь мы должны были получить двойное. Или ты не помнишь?

Мал. Конечно двойное.

Сокр. Вотъ эта линія, проведенная изъ одного котораго-нибудь угла къ другому, не разсѣкаетъ ли каждое изъ этихъ пространствъ на двѣ части?

Мал. Разсѣкаетъ.

¹ *Наблюдай же, что найдетъ онъ, σκέψαι δὴ—δ τι καὶ ἀνευρήσει.* Такъ, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ и Штальбомомъ, читаю я и перевожу *δ τι*, вмѣсто *ὅτι*; потому что иначе *ἀνευρήσει* оставалось бы безъ винительнаго падежа, что не нравится; притомъ послѣ *σκέψαι* должно бы стоять не *ὅτι*, а *ὡς*.

² *Προσθεῖμεν ἄν*, кажется правильнѣе было бы читать: *προσθεῖνμεν*.

Сокр. Не происходят ли отсюда четыре линіи равныхъ, связывающихъ собою это пространство?

Мал. Происходятъ.

Сокр. Смотри же, сколь велико это пространство.

Мал. Не знаю.

Сокр. Но каждая изъ этихъ линій пополамъ ли разсѣкла каждое изъ начертанныхъ четырехъ пространствъ, или нѣтъ?

Мал. Пополамъ.

Сокр. Сколько же такихъ пространствъ въ этомъ?

Мал. Четыре.

Сокр. А сколько въ этомъ?

Мал. Два.

Сокр. Но сколько составляютъ дважды четыре?

Мал. Вдвое.

Сокр. Значить, сколько тутъ будетъ футовъ? В.

Мал. Восемь.

Сокр. Отъ какой линіи происходят они?

Мал. Отъ этой.

Сокр. То-есть, отъ линіи четырехфутоваго пространства, идущей изъ одного угла къ другому?

Мал. Да.

Сокр. Такую линію софисты называютъ діаметромъ (діагональю); такъ что, если ея имя—діаметръ, то отъ діаметра, какъ сказалъ ты, мальчикъ Менона, и должно произойти двойное пространство.

Мал. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Ну, какъ тебѣ кажется, Менонъ? произнесъ ли онъ какое-нибудь не свое мнѣніе?

Мен. Нѣтъ, всѣ его. С.

Сокр. Однако онъ не зналъ же, какъ мы говорили недавно.

Мен. Твоя правда.

Сокр. И между тѣмъ эти мнѣнія были-таки у него, или нѣтъ?

Мен. Были.

Сокр. Слѣдовательно у человѣка, который не знаетъ того, чего можетъ не знать, есть вѣрныя понятія о томъ, чего онъ не знаетъ.

Мен. Видимо.

Сокр. И теперь они вдругъ возбуждаются у него, какъ сновидѣніе. Если же кто-нибудь начнетъ часто и различнымъ образомъ спрашивать его о томъ самомъ предметѣ; то согласись, что наконецъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ знать о немъ ничѣмъ не хуже другаго.

D. *Мен.* Вѣроятно.

Сокр. Поэтому будетъ знать, не учась ни у кого, а только отвѣчая на вопросы; то-есть, почерпнетъ знаніе въ самомъ себѣ?

Мен. Да.

Сокр. Но почерпать знаніе въ самомъ себѣ, не значитъ ли—припоминать?

Мен. Конечно.

Сокр. И припоминать не то ли знаніе, которымъ онъ обладаетъ теперь, которое приобрѣлъ когда-то, или имѣлъ всегда?

Мен. Да.

Сокр. Но какъ скоро онъ имѣлъ его всегда, то всегда былъ и знающимъ: а если допустимъ, что приобрѣлъ когда-нибудь, то приобрѣлъ конечно не въ этой жизни. Развѣ кто E. выучилъ его геометрію? Вѣдь онъ въ отношеніи къ этой наукѣ будетъ дѣлать то самое, что и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ. Итакъ кто же научилъ его? Ты безъ сомнѣнія долженъ знать это, особенно когда онъ и рожденъ и вскормленъ въ твоемъ домѣ.

Мен. Да, я знаю, что его никто и никогда не училъ.

Сокр. Однакожъ онъ имѣетъ эти мнѣнія, или нѣтъ?

Мен. По видимому, необходимо допустить, Сократъ.

Сокр. Такъ не очевидно ли, что, не получивъ ихъ въ 86. настоящей жизни, онъ имѣлъ и узналъ ихъ въ какое-то другое время?

Мен. Явно.

Сокр. И не то ли это время, когда онъ не былъ человѣкомъ?

Мен. Да.

Сокр. Если же въ то время, когда онъ былъ, но не былъ человѣкомъ, должны были находиться въ немъ истинныя мнѣнія, которыя, будучи возбуждаемы посредствомъ вопросовъ, становятся познаніями; то душа его не будетъ ли познавать въ продолженіе всего времени? Вѣдь явно, что она существуетъ всегда, хотя и не всегда человѣкъ.

Мен. Явно.

Сокр. А когда истина сущаго всегда находится у насъ въ душѣ; то не бессмертна ли эта душа ¹? такъ что, не зная теперь, то-есть, не припомнивъ чего-нибудь, ты долженъ смѣло рѣшиться изслѣдывать и припоминать.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, ты говоришь такъ хорошо, что я и не знаю.

Сокр. Да и мнѣ то же кажется, Менонъ. Впрочемъ о дальнѣйшемъ болѣе надлежащаго утверждать не могу; а за то, что признавая нужнымъ изслѣдывать, чего кто не знаетъ, мы были бы лучше, мужественнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ тогда, когда бы думали, что чего не знаемъ, того и нельзя найти, и не должно изслѣдывать,—за это я, сколько достанетъ силъ, буду стоять и словомъ и дѣломъ.

¹ Такое доказательство бессмертія нѣкоторые критики почитаютъ страннымъ; потому что Платонъ выводитъ истину бессмертія души изъ одного созерцанія вещей въ до-мірномъ ея существованіи. Но признаюсь, я не нахожу тутъ ничего страннаго. Если душа, живя нѣкогда въ хорѣ боговъ, какъ говорится въ Федръ, видѣла все, и, если это все, ею видѣнное, есть истина сущаго, оставшаяся въ ней и вошедшая въ ея существо; то какъ же она не бессмертна? Мы обыкновенно признаемъ бессмертіе души, *ut statum futurum*, потому что почитаемъ душу твореніемъ современнымъ созданію природы; по нашему понятію, бессмертіе ея основывается на благодати Творца, который даровалъ ей свой образъ и подобіе, а потомъ это подобіе возстановилъ и обновилъ благодатию искупленія. Напротивъ Платонъ разумѣлъ бессмертіе души *ut statum praeteritum*, или лучше, *anteactum*, и въ основаніе будущаго ея бессмертія полагалъ бытіе до-мірное. Если, то-есть, въ существѣ души есть идея *прежняго бессмертія*, то ея существо, уже по силѣ этой самой идеи, должно быть бессмертно и *посль*. Впрочемъ см. Phaedon p. 91 D sqq.

Мен. Вотъ и это, мнѣ кажется, хорошо сказано, Сократъ.

Сокр. Если же мы согласны между собою, что надобно изслѣдывать предметъ, котораго кто-нибудь не знаетъ; то хочешь ли, приступимъ съобща къ изслѣдованію того, что такое добродѣтель?

Мен. Безъ сомнѣнія. Однакожъ я гораздо охотнѣе разсматривалъ бы и слушалъ то, Сократъ, о чемъ сначала спрашивалъ, а именно: къ добродѣтели должно ли приступать, какъ къ чему-то изучимому, или какъ къ такому предмету, **Д.** который дается природою, либо достается людямъ какимъ-нибудь инымъ образомъ?

Сокр. А еслибы я управлялъ — не только собою, да и тобою, Менонъ; то мы разсмотрѣли бы, изучима ли добродѣтель, или не изучима, — уже по рѣшенію вопроса, что она такое. Но такъ какъ ты собою-то управлять не хочешь, потому что свободенъ, а мною и хочешь и управляешь; то я **Е.** уступлю тебѣ. Да, что дѣлать? Видно приходится разсматривать, каково что-нибудь, прежде нежели знаемъ, что это такое. Или ужъ, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ немного ослабъ свою власть и позволь мнѣ разсмотрѣть, изучима ли добродѣтель, или достается какъ иначе, — на основаніи предположенія. А разсматривать на основаніи предположенія, по моему мнѣнію, значитъ то же, что часто дѣлаютъ геометры. Если спрашиваютъ ихъ, напримѣръ, о пространствѣ, можетъ ли хоть вотъ это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ¹; то всякій изъ нихъ от-

¹ *Можетъ ли это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ? εἰ οὖν τε εἰς τόνδε τὸν κύκλον τόδε τὸ χωρίον τρίγωνον ἐνταῦθα;* Почти всѣ истолкователи Платона переводятъ эти слова такъ: можетъ ли этотъ треугольникъ (*τόδε τὸ χωρίον τρίγωνον*) быть наложенъ на этотъ кругъ? Но тогда стояло бы: *τόδε τὸ τρίγωνον χωρίον*, между тѣмъ какъ здѣсь *τρίγωνον* очевидно есть слово объясняющее, предикатъ въ отношеніи къ слову *τὸ χωρίον*. Поэтому смыслъ рѣчи долженъ быть такой, какъ бы Платонъ сказалъ: *εἰ οὖν τε τόδε τὸ χωρίον εἰς τόνδε τὸν κύκλον ἐνταῦθα ὡς τρίγωνον*; Сократъ вѣроятно указалъ Менону на начертанный прежде на пескѣ квадратъ и спросилъ: можетъ ли этотъ квадратъ, обращенный въ равный себѣ тре-

вѣчаетъ, что ему еще неизвѣстно, такъ ли это будетъ, — тутъ 87. предварительно требуется, думаю, нѣкоторое предположеніе. Какъ скоро это пространство таково, что данная его линія, и по протяженіи, сколько бы она протянута ни была останется короче такого пространства¹; то выйдетъ нѣчто иное: и опять иное, когда послѣднее окажется несообразнымъ. Итакъ я В. хочу сказать тебѣ на основаніи предположенія, что должно выдти, при наложеніи треугольника на кругъ, — возможно ли то, или нѣтъ. То же самое — и о добродѣтели: не зная, что такое и какова она, мы будемъ разсматривать на основаніи предположенія, можно ли изучать ее, или нельзя. Объяснимся такъ: предположимъ, что добродѣтель есть нѣчто относящееся къ душѣ; въ такомъ случаѣ изучима она, или нѣтъ? И во-первыхъ, если подъ нею разумѣется нѣчто, отличное отъ знанія; то изучать ее нельзя², но, какъ теперь же сказали, надобно только припоминать: — нѣтъ нужды, какое бы слово мы тутъ ни употребили. Такъ изучима ли добродѣтель? или всякому понятно, что человѣкъ ничего не изу- С. чаетъ, кромѣ знанія³.

Мен. Кажется.

Сокр. Если же, напротивъ, добродѣтель есть знаніе, то явно, что ей можно учиться.

угольникъ, быть вписанъ въ этомъ кругѣ, такъ чтобы углы перваго касались окружности послѣдняго? Въ такомъ именно значеніи слово *εγγράφειν* употребляется и у Эвклида (*Elem. IV*).

¹ Если это пространство таково, что данная его линія, и по протяженіи, останется короче того пространства, которое будетъ написано, *εί μὲν ἐστὶ τοῦτο τὸ χωρίον τοιοῦτον, οἷον παρὰ τὴν δοθεῖσαν αὐτοῦ γραμμὴν παρατείναντα ἐλλείπειν τοιοῦτον, οἷον ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ᾖ*. Эти слова Платона весьма затрудняютъ переводчиковъ. Во-первыхъ *παρατείναντα* стоитъ внѣ всякой конструкціи и, по всей вѣроятности, повреждено: лучше бы, кажется, читать *παρατείναν* и относить его къ существительному *τὸ χωρίον*. Во-вторыхъ *οἷον ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ᾖ* относится ли къ треугольнику, или кругу? Основываясь на значеніи слова *παρατείνειν* въ формѣ *παρατείναν*, я отношу это послѣднее выраженіе къ треугольнику.

² Въ подлинникѣ стоитъ: *ἔρα διδακτὸν ἢ οὐ*; но кажется, согласнѣе было бы съ ходомъ Платоновыхъ мыслей читать: *ἔρα οὐ διδακτὸν*.

³ Это мѣсто по всей вѣроятности или повреждено, или вошло въ текстъ е *marginе*, какъ замѣтка какого-нибудь поверхностнаго читателя.

Мен. Какъ не мочь?

Сокр. Значить, отъ этого мы вдругъ отдѣляемся: когда она такова, то изучима; а когда такова, то нѣтъ ¹.

Мен. Конечно.

Сокр. Такъ видно, послѣ этого надобно разсмотрѣть, добродѣтель есть ли знаніе, или она отлична отъ знанія.

Мен. Мнѣ кажется, послѣ этого нужно именно такое изслѣдованіе.

Д. *Сокр.* Чтожъ теперь? не назовемъ ли мы добродѣтели самымъ добромъ, оставаясь вѣрными тому предположенію, что она есть самое добро?

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но если есть какое-нибудь добро, отдѣльное отъ знанія; то вотъ добродѣтель и не будетъ уже знаніемъ. Напротивъ, когда нѣтъ ничего добраго, что не давалось бы знаніемъ, — не справедливо ли гадали бы мы, что она есть знаніе?

Мен. Такъ.

Сокр. Однакожъ мы добры вѣдь добродѣтелию?

Мен. Да.

Е. *Сокр.* А когда добры, то и полезны; потому что все доброе — полезно. Не такъ ли?

Мен. Да.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель и полезна?

Мен. Изъ допущеннаго необходимо.

Сокр. Возьмемъ же все порознь и разсмотримъ, въ чемъ состоитъ та польза, которую она приносить намъ. — Въ здоровѣ, скажемъ мы, въ силѣ, красотѣ, богатствѣ ²: вотъ

¹ А когда такова, то нѣтъ, τοιοῦδε δ', οὐ. Бутманъ остроумно замѣчаетъ, что Сократъ остерегается, какъ бы не назвать добродѣтели незнаніемъ, и потому употребляетъ выраженіе ἄλλοιον ἐπιστήμης, равно какъ и здѣсь — не говоритъ: μὴ τοιοῦδε, но въ обоихъ членахъ дѣленія повторяетъ τοιοῦδε. Отсюда видно, какъ несправедлива критика Аста, когда онъ навязываетъ Сократу мысль, что добродѣтель не есть знаніе.

² Подъ эти именно четыре вида древніе Греки подводили всѣ высшія блага. Вотъ схолія Симонида, или Эпихарма: ὑγιαίνειν μὲν ἀριστον ἀνδρὶ θανάτῳ

это и другое тому подобное мы называемъ полезнымъ. Не такъ ли?

Мен. Да.

Сокр. Но тому же самому иногда приписываемъ и вредъ. 88. Такъ ли бы ты сказалъ, или иначе?

Мен. Не иначе, а такъ.

Сокр. Смотри же: когда и подъ какимъ управленіемъ каждая изъ этихъ вещей бываетъ полезна намъ, когда и подъ какимъ — вредить? Не тогда ли полезна, когда правильно употребляется, и не тогда ли вредить, когда—неправильно?

Мен. Конечно.

Сокр. Разсмотримъ еще и то, что есть въ нашей душѣ. Ты допускаешь разсудительность, справедливость, мужество, образованность, память, великолѣпіе и другое тому подобное?

Мен. Допускаю.

В.

Сокр. Вникни же, которая изъ этихъ вещей кажется тебѣ не знаніемъ, а чѣмъ-то отличнымъ отъ знанія; и не таковы ли онѣ, что иногда вредятъ, а иногда приносятъ пользу, каково, на примѣръ, мужество, когда оно не есть разсудительность, а походить на дерзость? Не правда ли, что человѣкъ смѣлый, безъ ума, получаетъ вредъ, а съ умомъ—пользу?

Мен. Да.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и разсудительность, и образованность? познаваемое и исполняемое съ умомъ полезно, а безъ ума—вредно.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Слѣдовательно всѣ вообще преднамѣренія и усилія С. души, подъ руководствомъ разумности, оканчиваются счастіемъ, а подъ руководствомъ безумія—противнымъ тому?

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Если же добродѣтель принадлежитъ къ тому, что находится въ душѣ, и необходимо полезна; то надобно,

---

δεύτερον δὲ καλὸν φαῖν γενέσθαι, τὸ τρίτον δὲ πλουτεῖν ἀδόλως, καὶ τὸ τέταρτον ἡβᾶν μετὰ τῶν φίλων. См. *Jacobs. ad Antholog. gr. T. I. p. 208. sq.*

чтобъ она была разумною; такъ какъ все, находящееся въ душѣ, само по себѣ и не полезно, и не вредно, а вмѣстѣ съ D. разумностію или безуміемъ, либо вредно, либо полезно. На этомъ основаніи добродѣтель, признанная полезною, должна имѣть нѣкоторую разумность.

Мен. Мнѣ кажется.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и прочее, о чемъ мы недавно упоминали, то-есть, богатство и другое тому подобное—иногда благодѣтельно, иногда вредно? Какъ разумность, управляющая иными свойствами души, дѣлаетъ ихъ полезными, а безуміе—вредными: не такъ ли душа поступаетъ и съ ними? употребляя и распредѣляя ихъ справедливо, она дѣлаетъ ихъ полезными, а несправедливо—вредными.

Мен. Конечно.

Сокр. Но справедливо-то управляется разумный, а погрѣшительно—неразумный?

Мен. Такъ.

Сокр. Не то же ли надобно сказать и вообще? Все прочее въ человѣкѣ, чтобы быть ему добрымъ, зависитъ отъ души, 89. а все душевное—отъ разумности. По этой причинѣ разумность должна быть полезна. Но мы и добродѣтель назвали полезною?

Мен. Конечно.

Сокр. А разумность назвали добродѣтелию — всецѣлою, или нѣкоторою ея частію?

Мен. Слова твои, Сократъ, мнѣ кажется, весьма хороши.

Сокр. Если же такъ; то добрые—добры не отъ природы.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Да пусть бы и это было. Еслибы добрые были в. добры отъ природы; то между нами нашлись бы люди, которые юношей, добрыхъ по природѣ, узнали бы; а мы, по указанію этихъ людей, взяли бы ихъ и берегли въ крѣпости ¹,

¹ Государственные драгоценности Аѳинъ обыкновенно сохранялись въ акрополисѣ. См. *Вескк. de Oecon. Att. 11. p. 203. Cenf. T. I. p. 473.*

запечатавши тщательнѣе, чѣмъ золото, чтобы никто не развратилъ ихъ и чтобы, пришедши въ возрастъ, они благодѣтельствовали городамъ.

Мен. Слѣдовало бы-таки, Сократъ.

Сокр. Но когда добрые — добры не отъ природы; то видно, —отъ науки?

Мен. Мнѣ кажется, это уже необходимо. Да и изъ пред- С. положенія видно, Сократъ, что, какъ скоро добродѣтель есть знаніе, то она изучима.

Сокр. Можетъ быть, клянусь Зевсомъ; но не худо ли мы сдѣлали, что согласились?

Мен. Однако сей-часъ намъ казалось это хорошимъ.

Сокр. Да хорошо сказанное должно быть таково нетолько сей-часъ, но и теперъ, и послѣ, — если въ немъ есть нѣчто здоровое.

Мен. Такъ чтожъ? съ какой стороны это не нравится д. тебѣ и заставляетъ не вѣрить, что добродѣтель есть знаніе ¹?

Сокр. Я скажу, Менонъ. Не хочу переиначивать свое мнѣніе, будто нехорошо утверждаютъ, говоря, что какъ скоро добродѣтель есть знаніе, то она изучима: но смотри, справедливо ли, по твоему мнѣнію, я не вѣрю, что добродѣтель есть знаніе. Скажи-ка мнѣ вотъ что: если нетолько добродѣтель, но и какая бы то ни была вещь, —изучима; то не необходимы ли, въ отношеніи къ ней, какъ учителя, такъ и ученики?

Мен. Кажется.

Сокр. А когда напротивъ для вещи нѣтъ ни учителей, ни е. учениковъ; то не хороша ли была бы догадка, еслибы мы догадывались, что она не изучима?

Мен. Такъ; но учителей добродѣтели развѣ, ты думаешь, нѣтъ?

¹ И заставляетъ не вѣрить, что добродѣтель есть знаніе? ἀπιστεῖς, μὴ οὐκ ἐπιστήμη ἔ. Послѣ глагола ἀπιστεῖν и имени ἀπιστία Платонъ весьма нерѣдко употребляетъ двойное отрицаніе, и именно въ томъ случаѣ, когда эти слова заключаютъ въ себѣ понятіе страха, или опасенія. Сравн. Phaed. 70. А.

Сокр. Да, я часто ищу, есть ли какіе-нибудь учителя добродѣтели,—все дѣлаю; но не могу найти. Притомъ ищу вмѣстѣ со многими, и особенно съ такими людьми, которыхъ почитаю опытнѣйшими въ этомъ отношеніи. Вотъ и теперь, Менонъ, весьма кстати подсѣлъ къ намъ именно такой человекъ, которому можно сообщить свой вопросъ. — Да сообщь ему было бы и справедливо ¹; потому что Анить во-первыхъ сынъ богатаго и мудраго отца, Анееміона, который сдѣлался богатымъ не по случаю и не отъ щедрости другаго, какъ недавно Исменіасъ Фивянинъ, получившій имѣніе Поликрата, но собралъ богатство своею мудростію и стараніемъ; во-вторыхъ онъ по всему кажется гражданиномъ не гордымъ, не надутымъ и не спѣсивымъ, но человекомъ виднымъ
 90. и показнымъ; потомъ онъ, по мнѣнію аѳинскаго народа, прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына ², за что Аѳиняне избираютъ его въ важныя правительственныя должности. Итакъ справедливо изслѣдовать вмѣстѣ съ нимъ, есть ли учителя добродѣтели, или нѣтъ, и кто такіе. Помогите же, Анить, мнѣ и моему гостю, Менону, въ рѣшеніи вопроса объ этомъ предметѣ, то—есть, кто бы могъ быть учителемъ. А разсматривай вотъ какъ: еслибы мы захотѣли сдѣлать этого Менона хорошимъ врачомъ; то къ какимъ бы послали его учителямъ? не правда ли, что къ врачамъ?

¹ Сообщить ему было бы справедливо, εὐχότως δ' αὖ μεταδοίμεν ἄν. Бутманъ замѣчаетъ, что αὖ послѣ εὐχότως вовсе не имѣетъ значенія,—и это справедливо. Повидимому, переписчикъ не дописалъ слова αὐτῷ, которое было бы здѣсь очень кстати.

² Прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына. Сократъ превозноситъ похвалами Анитова отца — преимущественно въ томъ отношеніи, что онъ былъ не гордъ, не надутъ, не спѣсивъ, и прекрасно воспиталъ своего сына, а между тѣмъ ниже доказываетъ, что и самые добродѣтельные мужи не могутъ передать дѣтямъ собственной добродѣтели. Изъ этого не трудно замѣтить, что Сократовъ отзывъ о прекрасномъ воспитаніи Анита есть иронія, намекающая на недостатокъ въ немъ добрыхъ качествъ отца, то—есть, на его гордость, надутость и спѣсъ. На это же указываетъ оговорка Сократа, что Анить получилъ прекрасное воспитаніе, по мнѣнію аѳинскаго народа, которому, то—есть, онъ былъ преданъ во время борьбы съ тридцатью тираннами.
Lusac. de Socrate Cive p. 132. sq.

Ан. Конечно.

С.

Сокр. А когда бы пожелали, чтобъ онъ былъ хорошимъ башмачникомъ, то вѣрно—къ башмачникамъ?

Ан. Да.

Сокр. И такъ во всемъ?

Ан. Конечно.

Сокр. Скажи мнѣ опять вотъ что о томъ же предметѣ. Посылая его, какъ говоримъ, къ врачамъ, мы хорошо поступили бы, если хотимъ, чтобъ онъ былъ врачомъ. Но говоря это, не разумѣемъ ли, что мы благоразумнѣе сдѣла- D. емъ, когда отправимъ его къ такимъ врачамъ, которые почитаются представителями искусства, берутъ за то плату и объявляютъ себя учителями всѣхъ, желающихъ ходить къ нимъ и учиться, нежели къ такимъ, которыхъ не почитаютъ представителями? Не на это ли смотря, мы поступили бы хорошо?

Ан. Да.

Сокр. Не такъ же ли касательно игры на флейтѣ и дру- E. гихъ предметовъ? Великая была бы глупость, желая когонибудь сдѣлать флейщикомъ, не хотѣть посылать его къ людямъ, которые обѣщаются научить этому искусству и берутъ за то плату, а возлагать хлопоты о томъ на другихъ,—отправлять охотника къ тѣмъ, которые и не выдаютъ себя за учителей, и не имѣютъ ни одного ученика въ такомъ предметѣ, какому посылаемый, по нашему изволенію, долженъ учиться. Не великое ли это, думаешь, было бы безразсудство?

Ан. Да, клянусь Зевсомъ, — даже невѣжество ¹.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Значить, теперь можешь, 91. вмѣстѣ со мною, судить объ этомъ иностранцѣ Менонѣ.

¹ *Даже и невѣжество, καὶ ἀμαθία γὰρ πρός. 'Αμαθία значить болѣе, чѣмъ ἀλογία, безразсудство. Последнее выражаетъ неправильность мышленія о какомъ-нибудь предметѣ, логическую ошибку, или даже дѣятельность, не рассчитанную здравымъ размышленіемъ: напротивъ первое указываетъ на недостатокъ способностей, на самое безсиліе λογικώτερον λέγειν τε καὶ ἐργάζεσθαι. Hemsterhus. ad Arist. Plut. p. 385. Wolf. de Demosth. Lept. p. 99.*

Видишь, Анить; онъ уже давно твердитъ мнѣ, что ему хочется такой мудрости и добродѣтели, посредствомъ которой люди хорошо управляютъ домомъ и городомъ, служатъ своимъ родителямъ, умѣютъ, какъ прилично добродѣтели.

В. ку, принимать и отпускать согражданъ и иностранныхъ гостей. Такъ вотъ смотри-ка,—для такой-то добродѣтели къ кому бы намъ вѣрнѣе отправить его: не явно ли изъ предъидущаго, что къ тѣмъ, которые вызываются быть учителями добродѣтели и, объявляя себя общими для каждаго изъ Эллиновъ, желающаго учиться, назначаютъ за то плату и берутъ ее?

Ан. Но кого же, Сократъ, считаешь ты такими учителями?

Сокр. Вѣроятно знаешь и ты, что люди называютъ ихъ софистами.

С. *Ан.* О Иракль! говори лучше, Сократъ. Никто—ни изъ сродниковъ, ни изъ домашнихъ, ни изъ друзей, ни изъ Афинянъ, ни изъ иностранцевъ, не достигъ до такого безумія, чтобы пойти къ нимъ и развратиться. Вѣдь они—явная порча и язва своихъ близкихъ.

Сокр. Что ты говоришь, Анить? Неужели софисты, одни изъ людей, приписывающихъ себѣ какое-нибудь умѣнье благодѣтельствовать, такъ различаются отъ всѣхъ, что тому, что имъ ввѣрено, не только не приносятъ пользы, подобно прочимъ, но даже причиняютъ вредъ и за то еще от-

Д. крыто изволятъ брать деньги? Вотъ ужъ не знаю, какъ тебѣ вѣрить. А мнѣ извѣстенъ былъ одинъ человѣкъ, Протагоръ ¹, который такую мудростію нажилъ себѣ больше денегъ, чѣмъ Фидіасъ, дѣлавшій столь отлично прекрасныя вещи, и вмѣстѣ съ нимъ другіе десять скульпторовъ. Да и странно: еслибы люди, занимающіеся починкою старыхъ башмаковъ и зашиваньемъ платья, возвращали то и дру-

---

¹ Объ урокахъ Протагора и цѣнѣ, какую онъ бралъ за нихъ см. прим. къ Протаг. р. 328 В.

гое въ худшемъ состояніи, чѣмъ приняли; то они не укры- Е.
лись бы и въ продолженіе тридцати дней, но чрезъ такіе
поступки скоро умерли бы съ голоду. Напротивъ Протагоръ,
развращая приближенныхъ и отпуская ихъ худшими, чѣмъ
принималъ, укрывался отъ всей Греціи въ продолженіе со-
рока лѣтъ; потому что умеръ, думаю, почти уже лѣтъ се-
мидесяти отъ роду, а занимался своимъ искусствомъ около
сорока, и во все это время, даже до настоящаго дня, не по-
терялъ своей славы. И только ли Протагоръ?—много и дру- 92.
гихъ, изъ которыхъ иные жили прежде его, а иные живутъ
еще и теперъ. Итакъ скажемъ ли, согласно съ твоимъ мнѣ-
ніемъ, что они сознательно обманываютъ и развращаютъ
юношей, или дѣлаютъ это безъ сознанія? И такимъ обра-
зомъ признаемъ ли безумными тѣхъ, которыхъ называютъ
людьми мудрѣйшими?

Ан. Они-то не безумны, Сократъ: гораздо безумнѣе ихъ
юноши, дающіе имъ деньги; а еще болѣе безумны родствен- В.
ники, ввѣряющіе имъ своихъ дѣтей; безумнѣе же всѣхъ го-
рода, позволяющіе имъ вступать въ свои предѣлы, и не из-
гоняющіе — иностранца ли то, или Аѳиняна, какъ скоро онъ
рѣшается на такіе поступки.

Сокр. Что? тебя, Анитъ, обидѣлъ кто-нибудь изъ софи-
стовъ, или—почему ты такъ сердить на нихъ?

Ан. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; я и самъ никогда, ни съ
кѣмъ изъ нихъ не имѣлъ дѣла, и никому изъ своихъ не по-
зволилъ бы этого.

Сокр. Слѣдовательно ты вовсе незнакомъ съ ними?

Ан. И быть тому такъ.

Сокр. Но какимъ же образомъ, чудный человѣкъ, ты мо- С.
жешь знать объ этомъ предметѣ, заключаетъ ли онъ въ себѣ
что-нибудь доброе, или худое, когда вовсе не знакомъ съ
нимъ?

Ан. Легко. Знакомъ ли я съ ними, или нѣтъ,—мнѣ по
крайней мѣрѣ извѣстно, кто они.

Сокр. Ты, Анитъ, можетъ быть прорицатель; потому что

иначе, судя по твоимъ словамъ, удивительно, какъ бы-таки тебѣ знать о нихъ. Впрочемъ мы ищемъ вѣдь не тѣхъ, которыхъ посѣщая, Менонъ сдѣлался бы худымъ: такіе-то люди, D. пожалуй, пусть будутъ софисты. Назови же намъ другихъ и окажи благодѣяніе этому отечественному гостю: объяви ему, къ кому онъ долженъ отправиться въ столь обширномъ городѣ, чтобы въ добродѣтели, которая недавно разсматриваема была мною, выдти человѣкомъ, стоящимъ имени.

Ан. А почему самъ ты не объявишь ему?

Сокр. Я уже сказалъ, кого почиталъ учителями въ этомъ предметѣ; но изъ твоихъ словъ видно, что мною ничего не E. сказано. Можетъ быть, это и правда. Скажи же и ты въ свою очередь, къ кому изъ Аѳинянъ идти ему; назови, чье хочешь, имя.

Ан. Къ чему слышать имя одного человѣка? Съ кѣмъ бы изъ Аѳинянъ хорошихъ и добрыхъ ни сошелся онъ, всякій научить его лучше, нежели софисты, если найдетъ въ немъ довольно послушанія.

Сокр. Но эти хорошіе и добрые стали такими неужели случайно, не учась ни у кого? И какимъ образомъ тому, чему сами не учились, могутъ они учить другихъ?

93. *Ан.* Они, пожалуй, учились у своихъ предковъ, которые были столь же хороши и добры. Развѣ не кажется тебѣ, что въ этомъ городѣ бывало много людей добрыхъ?

Сокр. Мнѣ-то кажется, Анить, что здѣсь и теперь есть люди добрые по дѣламъ политическимъ, и бывало ихъ не менѣе, чѣмъ нынѣ. Но были ли они, говорю, и добрыми наставниками въ своей добродѣтели? Вопросъ, о которомъ B. идетъ у насъ рѣчь, состоитъ вѣдь не въ томъ, есть ли здѣсь добрые люди, или нѣтъ, и не въ томъ, бывали ли они прежде: мы давно уже разсматриваемъ, изучима ли добродѣтель. А разсматривая это, разсматриваемъ вотъ что: добрые люди настоящаго и прежнихъ временъ умѣли ли ту добродѣтель, по которой были сами добры, передать и другому, или она не передается человѣкомъ и не переходитъ отъ лица къ ли-

цу? Это-то давно уже изслѣдываемъ мы — я и Менонъ. Такъ смотри сюда изъ своихъ основаній. Не сказалъ ли бы ты, что Ѳемистоклъ былъ человѣкъ добрый?

Ан. Конечно сказалъ бы,—и добрѣе всѣхъ.

С.

Сокр. Значить, если кто другой могъ учить своей добродѣтели; то онъ былъ конечно хорошимъ учителемъ?

Ан. Думаю, еслибы только захотѣлъ.

Сокр. А думаешь ли, что онъ не хотѣлъ сдѣлать хорошимъ и добрымъ не только кого-нибудь, но даже и собственнаго сына? Или, по твоему мнѣнью, Ѳемистоклъ завидовалъ ему и умышленно не передалъ добродѣтели, по которой самъ онъ былъ добрымъ? Развѣ ты не слышалъ, что онъ образовалъ своего сына, Клеофанта, добрымъ всадникомъ; такъ что послѣдній держался на конѣ стоя, стоя на конѣ срѣлялъ и дѣлалъ много другихъ чудесъ? Всему этому отецъ научилъ его и сдѣлалъ мудрецомъ, сколько зависѣло отъ добрыхъ учителей. Или ты не слышалъ объ этомъ отъ стариковъ?

Ан. Слышалъ.

Сокр. Слѣдовательно никто не могъ обвинять природу его сына въ тупости.

Ан. Можетъ быть.

Е.

Сокр. Но что потомъ? слышалъ ли ты когда-нибудь отъ юношей, или стариковъ, что Клеофантъ, сынъ Ѳемистокла, былъ добръ и мудръ въ томъ, въ чемъ отецъ его?

Ан. Ну нѣтъ.

Сокр. Неужели же мы подумаемъ, что тому-то онъ старался научить своего сына, а въ этой мудрости, въ которой самъ былъ мудрецомъ, не сдѣлалъ бы его лучше сосѣдей, еслибы добродѣтель была дѣйствительно изучима?

Ан. Можетъ быть, не подумаемъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Итакъ вотъ тебѣ учитель добродѣтели, котораго и ты относишь къ числу отличнѣйшихъ между предками. Посмотримъ еще на другаго,—на Аристиду, сына Лизимахова: не согласишься ли ты, что онъ былъ добръ?

Ан. Совершенно согласенъ.

Сокр. И этотъ сына своего Лизимаха, сколько зависѣло отъ учителей, воспиталъ лучше всѣхъ Аѳинянъ ¹: а какъ тебѣ кажется? сдѣлалъ ли его лучшимъ человѣкомъ? Вѣдь ты бываешь съ нимъ вмѣстѣ и видишь, каковъ онъ. Возьми, по-
 В. жалуй, хотъ Перикла, столь великолѣпно-мудраго мужа: знаешь ли, что онъ воспиталъ двухъ сыновей, Паралоса и Ксантиппа?

Ан. Знаю.

Сокр. Вѣдь они, какъ и тебѣ извѣстно, выучены ѣздить верхомъ не хуже Аѳинянъ, и никого не хуже знаютъ музыку, гимнастику и все другое, зависящее отъ искусствъ. Но неужели Периклъ не хотѣлъ образовать ихъ добрыми людьми? Мнѣ кажется, хотѣлъ; да видно это неизучимо. А что-бы ты не подумалъ, будто немногіе и притомъ самые худые
 С. Аѳиняне ² не могутъ сдѣлаться такими, то замѣтъ, что и Фукидидъ воспиталъ двухъ сыновъ, Мелисіаса и Стефана, которые прекрасно были наставлены и въ прочихъ искусствахъ, а въ гимнастическихъ упражненіяхъ превосходили всѣхъ Аѳинянъ; потому что Фукидидъ одного изъ нихъ ввѣрилъ Ксантіасу, а другаго — Эвдору, которые считались тогда отличнѣйшими бойцами. Или ты не помнишь?

Ан. Знаю—по слуху.

Сокр. Такъ не явно ли, что научивъ дѣтей своихъ тому,
 Д. что требовало издержекъ, онъ еще охотнѣе сдѣлалъ бы ихъ добрыми людьми, для чего издержекъ не нужно, еслибы это изучалось? Впрочемъ, можетъ быть, Фукидидъ былъ человѣкъ маловажный и не имѣлъ довольно друзей между Аѳинянами и союзниками ихъ? — Нѣтъ, онъ и принадлежалъ къ большому дому, и много могъ, какъ въ отечествѣ, такъ и у другихъ Грековъ; значить, еслибы это было изучимо, нашелъ бы

¹ См. Лах. 179. С. D. и мое прим. къ этому мѣсту.

² И притомъ самые худые Аѳиняне. Этимъ отнюдь не указывается на Аристида иThemistocle, какъ подозреваетъ Шлейермахеръ: Платонъ говоритъ общее положеніе, или новую мысль, которая не должна имѣть связи съ предыдущею.

людей—между соотечественниками, или иностранцами, которые сдѣлали бы его сыновей добрыми, хотя бы общественныя занятія и не давали досуга ему самому. Такъ нѣтъ, любезный Анить, видно добродѣтели учить нельзя. Е.

Ан. Тебѣ, кажется, нетрудно, Сократъ, худо отзываться о людяхъ. Но, если хочешь послушаться меня,—совѣтую быть осторожнѣе. Можетъ быть, и въ другомъ городѣ легче бываетъ дѣлать имъ зло, чѣмъ добро ¹, а здѣсь—тѣмъ болѣе. Ты и самъ, думаю, знаешь это.

Сокр. Менонъ! Анить-то, кажется, сердить на меня,—да 95. и неудивительно; потому что во-первыхъ почитаетъ меня порицателемъ такихъ людей, во-вторыхъ относитъ и себя къ числу ихъ. Но если онъ узнаетъ, что значить говорить худо, то перестанетъ сердиться: теперь ему это еще неизвѣстно. Скажи мнѣ ты, есть ли и у васъ хорошіе и добрые люди.

Мен. Конечно.

Сокр. Чтожъ? хотятъ ли они выдавать себя юношамъ за в. учителей? хотятъ ли объявлять себя учителями, или добродѣтель — изучимою?

Мен. Нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ; но иногда слышишь отъ нихъ, что добродѣтель изучима, а иногда, — что нѣтъ.

Сокр. Итакъ назовемъ ли ихъ преподавателями самаго предмета, когда они даже и въ этомъ между собою несогласны?

Мен. Кажется, нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Что еще? эти софисты—одни, вызывающіеся учить добродѣтели, могутъ ли, по твоему мнѣнію, учить ей?

Мен. Я и Горгиаса люблю особенно за то, Сократъ, что С.

¹ Легче бываетъ дѣлать имъ зло, чѣмъ добро, ῥᾶν ἐστὶ κακῶς ποιεῖν ἀνθρώπους ἢ εὖ. Такъ читаю я, вмѣстѣ съ Бутманомъ, Шлейермахеромъ, Беккеромъ и Штальбомомъ, вмѣсто вульгатнаго чтенія ῥᾶδιον; потому что иначе ἢ εὖ было бы неумѣстно, отчего вѣроятно въ спискѣ ватиканскомъ оно и выпущено.

ты никогда не услышишь отъ него подобнаго обѣщанія. Онъ даже смѣется и надъ другими, когда они обѣщаютъ это, а только вызывается сдѣлать человѣка сильнымъ въ словѣ.

Сокр. Такъ софистовъ ты не считаешь учителями?

Мен. Я не могу сказать этого, Сократъ; но чувствую то же, что и многіе: иногда почитаю, иногда нѣтъ.

В. *Сокр.* А знаешь ли, что не только ты и другіе политики—почитаете добродѣтель иногда изучимую, иногда нѣтъ, но и поэтъ Теогнисъ говорить то же самое?

Мен. Въ какихъ стихотвореніяхъ?

Сокр. Въ элегіяхъ, гдѣ сказано ¹: *«У тьмъ пей и пшь, св тьми сиди и тьмъ нравься, которые имьютъ великую силу; потому что отъ добрыхъ добру и научишься: а связавшись съ худыми, потеряешь и наличный умъ.»* Видишь ли? здѣсь **Е** утверждается, что добродѣтель изучима.

Мен. Да и явно.

Сокр. Напротивъ въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько далѣе онъ говоритъ такъ: *«Еслибы возможно было сотворить и вложить умъ въ челоуька; то великую и важную награду получили бы люди, сзумьшіе сдѣлать это: тогда отъ добраго отца не происходилъ бы худой сынъ, впрѣ разумнымъ **96.** его наставленьямъ. Но посредствомъ науки, челоуька худого, видно, не сдѣлаешь добрымъ.»* Замѣчаешь ли, что, говоря объ одномъ и томъ же предметѣ, онъ противорѣчитъ самому себѣ?

Мен. Кажется.

Сокр. Итакъ можешь ли указать мнѣ на какое-нибудь иное дѣло, въ которомъ люди, выдающіе себя за учителей, не только не признаются учителями другихъ, но и сами считаются невѣждами, сами худы въ томъ дѣлѣ, въ отношеніи къ которому носятъ имя учителей, — а тѣ, кого почитаютъ

¹ См. Theognidea v. 33. sqq. ed. Becker. Эти стихи приводятся и Ксенофонтонъ, Mem. Socr. 1. 2. 20. Слѣдующіе далѣе **Е.** Theogn. v. 435. въ томъ же изданіи.

дѣйствительно хорошими и добрыми, иногда причисляютъ это дѣло къ предметамъ изучимымъ, иногда нѣтъ? Сказалъ ли бы ты, что люди, находящіеся въ такомъ недоумѣніи касательно этого предмета, суть именно его преподаватели?

Мен. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Если же ни софисты, ни даже хорошіе и добрые люди не могутъ быть преподавателями этого дѣла, то видно—и никто другой?

Мен. Кажется, никто.

Сокр. А если ужъ нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Выходить такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Значить, мы согласились, что тотъ предметъ, въ отношеніи къ которому нѣтъ ни учителей ни учениковъ, С. не можетъ быть изучимъ?

Мен. Согласились.

Сокр. А для добродѣтели нигдѣ не открывается учителей?

Мен. Такъ.

Сокр. Если же нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Явно.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель неизучима?

Мен. Невѣроятно, хотя наши изслѣдованія и правильны. Я все еще удивляюсь, Сократъ, какъ бы и быть когда-нибудь добрымъ людямъ, или, какимъ бы образомъ сдѣлаться добрыми тѣмъ, которые сдѣлались.

Сокр. Оба мы, Менонъ, должно быть, люди плохіе. Видно, тебя Горгіасъ, а меня Продикъ, не довольно научили. Итакъ намъ нужно обратить вниманіе и изслѣдовать самимъ, можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими какимъ-нибудь однимъ образомъ ¹. Говорю это, имѣя въ виду прежній во- е. прось. Какъ смѣшно утаилось отъ насъ, что у человѣка,

¹ 96. D. *Можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими, ὅστις ἡμᾶς βελτίους ποιήσει.* Такъ я перевожу, основываясь на значеніи изъяснительнаго ποιήσει, хотя въ такомъ случаѣ должно бы стоять ἄρα τις ἡμᾶς и проч. Притомъ явно, что сила мысли здѣсь—въ словахъ ἐν γὰρ τῷ πρώτῳ, а не въ ποιήσει; иначе послѣ ζητητέον надлежало бы писать ποιήσει. Дальнѣйшихъ словъ Е. *когда же не допустимъ—и другое кое-что, εἰ μὴ τοῦτο δοίημεν—ἄλλο τινας*, во многихъ

подъ руководствомъ не одного знанія, совершаются дѣла справедливыя и добрыя! Если же не допустимъ, что, кромѣ знанія, для этой цѣли необходимо и другое кое-что; то можетъ быть и не уразумѣемъ, какимъ образомъ люди дѣлаются добрыми.

Мен. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Вотъ какъ: мы вѣдь правильно согласились, что люди добрые должны приносить пользу; это-то иначе и быть не можетъ. Не правда ли?

97. *Мен.* Да.

Сокр. И что они будутъ приносить пользу, когда станутъ правильно вести свои дѣла: вѣдь и это мы, кажется, хорошо допустили?

Мен. Да.

Сокр. А что правильно вести свои дѣла нельзя тому, кто неразуменъ,—на это мы, какъ будто неправильно согласились.

Мен. Но что выражаешь ты словомъ «правильно?»

Сокр. Я скажу тебѣ. Еслибы кто-нибудь, зная дорогу въ Лариссу, или куда угодно въ иное мѣсто, самъ шелъ и другихъ велъ по ней; то правильно и хорошо велъ бы?

Мен. Конечно.

В. *Сокр.* Но что, еслибы кто-нибудь имѣлъ хоть и правильное мнѣніе объ этой дорогѣ, однакожь самъ еще не ходилъ по ней и не знаетъ ея:—не могло ли бы быть правильнымъ и его водительство?

Мен. Конечно могло бы.

Сокр. Значить, пока онъ имѣетъ правильное мнѣніе о томъ предметѣ, о которомъ у другаго есть знаніе; дотолѣ, обладая истиннымъ мнѣніемъ, а не разумностію, будетъ руководствовать не хуже, чѣмъ разумный.

Мен. Конечно не хуже.

спискахъ вовсе нѣтъ, да и Фицинъ не выразилъ ихъ въ своемъ переводѣ. Впрочемъ ходу мыслей онъ не мѣшаютъ.

Сокр. Слѣдовательно истинное мнѣніе для правильности дѣла есть руководитель не хуже разумности. Такъ вотъ это-то пропустили мы при изслѣдованіи вопроса, какова добродѣтель. По нашимъ словамъ, одна разумность должна была руководствовать къ правильной дѣятельности; а тутъ нужно и истинное мнѣніе. С.

Мен. Вѣрно.

Сокр. Поэтому правильное мнѣніе не менѣе полезно, какъ и знаніе.

Мен. По крайней мѣрѣ столько полезно, Сократъ, что обладающій знаніемъ всегда можетъ достигнуть цѣли, а имѣющій правильное мнѣніе иногда достигаетъ ея, иногда нѣтъ.

Сокр. Какъ ты говоришь? чтобы тотъ, кто всегда имѣетъ правильное мнѣніе, не всегда достигалъ цѣли, пока думаетъ правильно?

Мен. Съ тобою, кажется, необходимо согласиться: но когда это такъ, то я удивляюсь, Сократъ, почему знаніе цѣнится гораздо выше правильнаго мнѣнія, и чѣмъ одно изъ нихъ отлично отъ другаго. D.

Сокр. А знаешь ли, почему ты удивляешься, или сказать тебѣ это?

Мен. Конечно скажи.

Сокр. Потому, что не обратилъ вниманія на Дедаловы статуи ¹. Да у васъ, можетъ быть, и нѣтъ ихъ.

Мен. Къ чему же ты говоришь это?

Сокр. Къ тому, что и онѣ, пока не связаны, бѣгутъ и убѣгають, а связанные, стоятъ неподвижно.

Мен. Такъ чтожь? E.

Сокр. Приобрѣсть развязанное произведеніе Дедала немного значить, равно какъ и приобрѣсть бѣглаго человѣка; потому что онъ не остается на одномъ мѣстѣ: напротивъ связанное — дорого; такія произведенія прекрасны. На что же я мѣчу своими словами?—на истинныя мнѣнія; ибо и ис-

¹ На Дедаловы статуи. См. прим. къ Эвтиерону р. 11. С.

тинныя мнѣнія—прекрасное дѣло, и производятъ все доброе, пока бываютъ постоянны. Но онѣ не хотятъ долго оставаться неизмѣняемыми; онѣ убѣгаютъ изъ человѣческой души и потому нецѣнны, пока кто-нибудь не свяжетъ ихъ размышленіемъ о причинѣ. А это, любезный Менонъ, и есть припоминаніе, — въ чемъ мы прежде согласились. Когда же истинныя мнѣнія бываютъ связаны; тогда онѣ сперва становятся знаніями, а потомъ упрочиваются. Отъ этого-то знаніе и цѣннѣе правильнаго мнѣнія; узами-то и различается первое отъ послѣдняго¹.

Мен. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ; дѣйствительно подходитъ на что-то такое.

В. Сокр. Впрочемъ я и выдаю это не за извѣстное, а за похожее. Что же касается до различія между правильнымъ мнѣніемъ и знаніемъ; то оно, думаю, уже не есть ничто похожее: но еслибы я приписалъ себѣ какія-нибудь знанія, — а приписалъ бы ихъ себѣ немного,—то упомянутое было бы однимъ изъ тѣхъ, которыя имѣю.

Мен. Да и правильно говоришь, Сократъ.

Сокр. Чтожъ? а то неправильно, что истинное мнѣніе, управляя совершеніемъ каждаго дѣла, управляетъ не хуже знанія?

Мен. Кажется, и то вѣрно.

С. *Сокр.* Значитъ, правильное мнѣніе, если оно не хуже знанія, и въ дѣятельности будетъ не менѣе полезно; значитъ, и

---

¹ Явно, что на истинныя мнѣнія Сократъ смотритъ здѣсь относительно къ систематическому ихъ построению. Сами по себѣ, независимо отъ формы науки, онѣ—только матеріалъ, неупорядоченный, неразработанный, безсвязный, измѣнчивый, часто состоящій изъ противорѣчущихъ элементовъ. Головы, наполненныя такимъ матеріаломъ, всегда готовы судить о всемъ, но никогда не въ состояніи представить достаточную причину, почему такъ думаютъ; ибо мнѣнія ихъ разобщены, носятъ, будто отдѣльные атомы въ хаотическомъ броженіи вещества, не связаны единствомъ взгляда на міръ и жизнь. Одна только идея, развитая въ систему, каждому изъ нихъ сообщаетъ надлежащую прочность, даетъ приличное мѣсто и значеніе въ цѣломъ, подобно тому, какъ сила органическая соединяетъ въ одинъ составъ безчисленное множество разнообразныхъ орудій и живетъ въ каждомъ самонадѣшемъ нервѣ.

человѣкъ, обладающій правильнымъ мнѣніемъ, не хуже того, который обладаетъ знаніемъ.

Мен. Такъ.

Сокр. Между тѣмъ мы согласились, что добрый человѣкъ полезенъ намъ.

Мен. Да.

Сокр. А такъ какъ добрые люди, если они есть, должны быть полезны городамъ не только своимъ знаніемъ, но и правильнымъ мнѣніемъ, и оба эти средства — знаніе и истинное мнѣніе, и не даются людямъ природою, и не приобретаются... Или ты думаешь, что которое-нибудь изъ нихъ получается отъ природы?

Мен. Не думаю.

Сокр. А если они — не отъ природы; то и доброе — не отъ природы.

Мен. Разумѣется.

Сокр. Когда же не отъ природы, то вотъ мы и разсматривали ¹, изучимо ли это.

Мен. Да.

Сокр. И не показалось ли намъ, что добродѣтели можно бы учиться, какъ скоро она была бы разумностію?

Мен. Показалось.

Сокр. А еслибы добродѣтель была разумностію, то ей можно было бы учиться?

Мен. Конечно.

Сокр. И еслибы, въ отношеніи къ ней, дѣйствительно существовали учителя, то она почиталась бы изучимою, а — **Е** не существовали, — оставалась бы неизучимою?

¹ То вотъ мы и разсматривали, *ἐσκοπούμεν τὸ μετὰ τοῦτο*. Штальбомъ догадывается, что надлежало бы читать *σκοπούμεν*, и удивляется, какъ могло *ἐσκοπούμεν* вкратиться во всѣ списки. По моему, это очень неудивительно; потому что и въ самомъ дѣлѣ надобно читать *ἐσκοπούμεν*. Сократъ говорить здѣсь очевидно о прежнемъ ироническомъ доказательствѣ, что добродѣтель приобретается наукою, а не о послѣдующемъ, котораго вовсе нѣтъ. Платонъ видимо обозрѣваетъ весь ходъ разговора и приближается къ заключенію.

Мен. Такъ.

Сокр. Но мы согласились, что въ отношеніи къ ней нѣтъ учителей?

Мен. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно согласились и въ томъ, что она и неизучима, и не есть разумность?

Мен. Конечно.

Сокр. Однакожъ мы допустили, что она все-таки есть добро?

Мен. Да.

Сокр. А полезнымъ и добрымъ называется то, что правильно руководствуетъ?

Мен. Конечно.

99. *Сокр.* Собственно же правильными руководителями признаны только два: истинное мнѣніе и знаніе; и кто обладаетъ ими, тотъ руководствуется правильно. Вѣдь происходящее случайно, зависитъ не отъ человѣческаго руководства: а то, посредствомъ чего самъ человѣкъ дѣлается руководителемъ къ правильному, есть истинное мнѣніе и знаніе.

Мен. Мнѣ кажется, такъ.

Сокр. Но какъ скоро добродѣтель не изучается, то она уже не бываетъ и знаніемъ?

Мен. По видимому, нѣтъ.

в. *Сокр.* Итакъ одинъ изъ двухъ добрыхъ и полезныхъ руководителей развязанъ, то-есть, знаніе не можетъ руководствовать въ дѣлахъ политическихъ.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Стало быть, такіе люди, каковъ Фемистоклъ и подобные ему, недавно упомянутые Анитомъ, управляютъ городами не посредствомъ какой-нибудь мудрости и не какъ мудрецы. Потому-то имъ и нельзя было сдѣлать другихъ такими, каковы были сами, такъ какъ они сдѣлались такими не чрезъ знаніе.

с. *Мен.* Походить на то, что ты говоришь, Сократъ.

Сокр. Если же не чрезъ знаніе,—то остается доброе мнѣніе, пользуясь которымъ, политики правятъ городами и, въ отношеніи къ разумности, ничѣмъ не отличаются отъ прорицателей и мужей богодухновенныхъ; потому что и послѣдніе говорятъ много истиннаго, а не знаютъ того, что говорятъ.

Мен. Должно быть, такъ.

Сокр. Поэтому не должно ли, Менонъ, называть этихъ мужей божественными, когда они, дѣлая и говоря что-нибудь независимо отъ ума, производятъ много великаго?

Мен. Конечно.

Сокр. Да, если мы справедливо называемъ божественными теми тѣхъ, о которыхъ сей-часъ упомянули, то-есть прорицателей, вѣщунговъ и людей съ даромъ поэтическимъ; то не меньшее имѣемъ право называть божественными и восторженными самыхъ политиковъ, какъ скоро они, вдохновленные и наитетвованные Богомъ, совершаютъ посредствомъ слова много великихъ дѣлъ, хотя и не знаютъ, что говорятъ.

Мен. Конечно.

Сокр. Вѣдь и женщины, Менонъ, добрыхъ мужей именуютъ божественными; и Лакедемоняне, когда хотятъ кого прославить добрымъ человѣкомъ, говорятъ: это — человѣкъ божественный.

Мен. И говорятъ-то, кажется, справедливо, Сократъ; е-хоть Анить за такія слова, можетъ быть, и сердится на тебя.

Сокр. Нужды нѣтъ; съ нимъ мы еще поговоримъ, Менонъ. Теперь же — если во всемъ этомъ разсужденіи наши изслѣдованія и рѣчи были хороши; то добродѣтель и не получается отъ природы, и не приобрѣтается ученіемъ, но дается божественнымъ жребіемъ, независимо отъ ума, — тому, кому дается, какъ скоро нѣтъ политика, который могъ бы и другаго сдѣлать политикомъ. А когда бы онъ былъ, — между живыми можно бы считать его почти тѣмъ же, чѣмъ между

ду мертвыми Омиръ¹ представляетъ Тиресіаса, говоря: «онъ мыслить» въ преисподней, «а прочія тѣни летаютъ». Таковъ-то былъ бы и этотъ человѣкъ, какова дѣйствительная вещь въ сравненіи съ тѣнью, поколику разсматривается добродѣтель.

В. *Мен.* По моему мнѣнію, ты прекрасно говоришь, Сократъ.

Сокр. Итакъ, Менонъ, изъ настоящихъ основаній вытекаетъ, что добродѣтель дается божественнымъ жребіемъ тому, кому дается. Но ясно мы узнаемъ это тогда, когда, прежде чѣмъ изслѣдуемъ образъ дарованія оной людямъ, рѣшимся изслѣдовать, что такое добродѣтель. Теперь мнѣ уже пора кое-куда идти; а ты, въ чемъ самъ убѣдился, постарайся убѣдить и своего гостя Анита, чтобы онъ былъ покротче: если убѣдишь его, то сдѣлаешь пользу и Аѳинянамъ.

---

¹ Приведенныя слова Омара см. Одысс. X. в. 492. sqq.